

ЛУЧШИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЛУЧШИХ АВТОРОВ

ФРАНСИС КАРСАК

Робинзоны космоса
Бегство Земли

АЗБУКА · ФАНТАСТИКА

Франсис Карсак
Робинзоны космоса.
Бегство Земли
Серия «Азбука-фантастика»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69412951

*Карсак Ф. Робинзоны космоса ; Бегство Земли: Азбука-Аттикус;
Санкт-Петербург; 2023
ISBN 978-5-389-23672-1*

Аннотация

Франция не очень фантастическая страна по сравнению, например, с Америкой или Англией. Кого, кроме Жюль Верна, вы можете вспомнить из французских фантастов? Почти никого. Рони-старший с его «Борьбой за огонь», Морис Ренар, Жерар Клейн... Кто еще? Но есть в фантастике Франции имя, которое наш отечественный читатель знает наверняка, – это Франсис Карсак.

Роман «Робинзоны космоса», переведенный и опубликованный в нашей стране в самом начале 1960-х, сразу же вывел Карсака на одно из ведущих мест в рейтинге симпатий российских читателей. Вселенская катастрофа, кусок планеты отрывается от Земли, и люди, на нем живущие, оказываются в

миллионах километров от дома, в мире, который нужно освоить и покорить.

Роман «Бегство Земли» – история человека из далекого будущего, рассказавшего людям современной эпохи о том, какая беда поставит под угрозу планету и как правнуки ради спасения человечества решатся на грандиозный эксперимент – «побег» Земли на орбиту чужого солнца.

Содержание

Робинзоны космоса	6
Пролог	7
Часть первая. Катаклизм	9
Глава 1. Предзнаменование	9
Глава 2. Катаклизм	19
Часть вторая. Робинзоны космоса	26
Глава 1.Развалины	26
Глава 2. Одиночество	45
Глава 3. Гидры	57
Глава 4. Сила против насилия	66
Часть третья. Завоевание	85
Глава 1. Суд	85
Глава 2. Организация	100
Глава 3. Разведочные работы	127
Глава 4. Ссви	140
Конец ознакомительного фрагмента.	143

Франсис Карсак

Робинзоны космоса.

Бегство Земли

Francis Carsac

LES ROBINSONS DU COSMOS

Copyright c 1955 by Francis Carsac

TERRE EN FUITE

Copyright c 1960 by Francis Carsac

© Ф. Л. Мендельсон (наследник), перевод, 1960, 1972

© Л. С. Самуйлов, перевод, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023 Издательство Азбука®

* * *

Робинзоны космоса

Предупреждение

Персонажи данной истории являются вымышленными, любые совпадения имен или портретных черт с реальными людьми – случайные.

Пролог

Я не стану описывать здесь ни историю катаклизма, ни историю завоевания Теллуса: все это, изученное в мельчайших деталях, вы найдете в трудах моего брата. Я просто хочу рассказать о своей жизни. Быть может, вам, моим потомкам и потомкам моих товарищей, живущим в этом мире по праву рождения, будет интересно узнать впечатления и страдания человека, родившегося на другой планете и перенесенного сюда в результате беспрецедентного и пока не объясненного явления, человека, едва не отчаявшегося, прежде чем он смог осознать, какое чудесное приключение уготовила ему судьба.

Для чего я пишу эту книгу? Вероятно, сейчас лишь немногие из вас захотят ее прочесть, так как суть ее всем известна. Но я пишу ее главным образом для будущих поколений. Я помню, как на неведомой вам Земле, затерянной где-то в космосе, историки высоко ценили свидетельства людей, являвшихся непосредственными участниками тех или иных событий прошлого. Пройдет пять или шесть веков – и моя книга тоже будет представлять интерес, ибо это рассказ очевидца Великого Начала.

В те времена, с которых начинается мой рассказ, я еще не был тем согбенным и немного вздорным стариком, каким являюсь сейчас. Шестьдесят лет тому назад мне было всего

двадцать три! Да-да, целых шестьдесят лет пронеслось с тех пор стремительным потоком. Я знаю, что уже сильно сдал: движения мои утратили былую точность, я быстро устаю и уже мало что люблю в этой жизни – разве только моих детей, внуков, быть может, еще чуть-чуть геологию да погреться на солнце – или, скорее, *на солнцах*, ибо здесь для вас светят целых два. Вот почему я спешу продиктовать моему внуку Пьеру – мои собственные руки так дрожат, что я не могу писать, – незаменимую и уникальную историю человеческой судьбы. В этом мне помогает дневник, который я вел на протяжении всей своей жизни и который я уничтожу, как только задача моя будет окончена. Все, что важно, будет сказано здесь. А что до остального, то мне вовсе не хочется предавать порой немного садистскому любопытству историков свои скромные радости и печали.

Диктуя, я смотрю в окно, за которым колышется на ветру пшеница, и иногда мне кажется, будто я снова на моей родной Земле, – но ровно до того момента, как я замечаю, что деревья отбрасывают две тени...

Часть первая. Катаклизм

Глава 1. Предзнаменование

Прежде всего – о том, кто я такой. Конечно, вы, мои ближайшие потомки, это и так знаете. Но скоро ваши дети и дети ваших детей забудут даже о том, что когда-то я вообще существовал. Много ли сам я знаю о собственном прадеде?

В июле 1985 года заканчивался мой первый год работы ассистентом-лаборантом на геологическом факультете в Бордо, одном из городов Земли. Мне тогда было двадцать три, и, хотя красавцем меня не называли, скроен я был ладно.

Если сейчас я, согбенный старик, выгляжу жалко в этом мире юных гигантов, то на Земле мои метр восемьдесят три сантиметра и широкоплечая фигура внушали уважение. Это для вас метр восемьдесят три сантиметра – всего лишь средний рост! Если хотите знать, что я собой представлял, посмотрите на моего первого внука Жана. Как и он, я был молодым брюнетом с большим носом, длинными руками и зелеными глазами.

Год назад я был очень рад своему назначению и возвращению в лабораторию, где за несколько лет до того впервые зарисовал окаменелости. Теперь меня забавляли ошибки студентов, путавших схожие виды, которые человек искушен-

ный различал тотчас же и без труда.

Итак, наступил июль. Экзамены закончились, и вместе с моим братом Полем я готовился отправиться на каникулы к нашему дяде Пьеру Бурна, директору только что построенной в Альпах обсерватории, гигантское (пять метров пятьдесят сантиметров в диаметре) зеркало телескопа которой отныне позволяло французским астрономам на равных соперничать с их американскими коллегами. Дяде должны были помогать его ассистент Робер Менар, необычайно сведущий и неприметный мужчина лет сорока, и целая армия астрономов, вычислителей и техников, которые к моменту катастрофы либо еще не прибыли на место, либо находились в отпуске или в какой-нибудь поездке. Словом, рядом с дядей тогда, помимо Менара, были только два его ученика – брат и сестра, Мишель и Мартина Соваж, с которыми я тогда еще не имел чести быть знакомым.

Мишеля нет с нами уже шесть лет, а ваша бабушка Мартина, как вы знаете, покинула меня три месяца назад. В то время я не предполагал, однако же, какие чувства свяжут нас в будущем. По правде сказать, при моем довольно-таки замкнутом характере, я бы вполне удовлетворился компанией дяди и брата – Менара в расчет я не брал – и потому заранее рассматривал этих двоих как неприятное приложение, даже несмотря или, скорее, именно по причине их молодости: Мишелю тогда было тридцать, а Мартине – двадцать два.

О первых признаках приближающегося катаклизма я

узнал 12 июля 1985 года, в четыре часа пополудни. Я уже практически собрал чемоданы, когда в дверь позвонили. Я открыл и увидел перед собой моего кузена Бернара Верильяка, геолога, как и сам я. Тремя годами ранее он принимал участие в первой международной экспедиции «Земля – Марс», а в прошлом году отправился в новую.

– И откуда ты на этот раз? – спросил у него я.

– Прошли без посадки по эллиптической орбите Нептуна. Как какая-нибудь комета.

– За такой короткий срок?

– Поль хорошо поработал над нашим старым «Рони» – теперь он делает две тысячи километров в секунду, и хоть бы что!

– Удачно слетали?

– Конечно! Сделали кучу потрясающих снимков. Правда, на обратном пути нам пришлось туго.

– Возникли какие-то неполадки?

– Да нет. Нас немного снесло. Поль и наш штурман-астроном Клод Ромье уверяли, что впечатление такое, будто в нашу Солнечную систему вторглась масса материи, огромная, но совершенно невидимая. Правда, Сигурд думает по-другому, а наш журналист Рэй Макли вообще уверяет, что мы просто выпили лишнего в честь ухода с орбиты Нептуна и поэтому все наши расчеты никуда не годятся.

Он взглянул на часы:

– Двадцать минут пятого. Ну, мне пора. Счастливого отдох-

нуть! Сам-то когда собираешься с нами? Следующая цель – спутники Юпитера. Работы там, как понимаешь, хватит и для двух геологов – а может, и их окажется мало! Получишь прекрасную тему для диссертации – из тех, каких еще ни у кого не бывало. Ну да ладно, обсудить это мы еще успеем. Как-нибудь летом я намерен навестись к твоему дяде.

Дверь за ним закрылась. Больше мы так никогда и не свиделись! Старина Бернар!.. Вероятно, он уже умер. Сейчас ему было бы девяносто шесть. Правда, Бернар уверял, что марсиане умеют увеличивать срок жизни почти вдвое, и, возможно, он еще жив и странствует где-то в космосе. Знал бы он, что меня ждет, он бы со мной наверняка не расстался!

В тот же вечер мы с братом сели в поезд и уже на следующий день, часа в четыре пополудни, прибыли на вокзал... Впрочем, название этого места, которое я не записал, а сейчас уже и не помню, не так уж и важно. Это была маленькая, незначительная станция. Нас ожидали. Долговязый блондин, еще более высокий, чем я, стоявший прислонившись к капоту авто, помахал нам рукой. Мы подошли, и он представился:

– Мишель Соваж. Ваш дядя извиняется, что не смог вас встретить, но у него важная и срочная работа.

– Что-то новое среди туманностей? – спросил мой брат.

– Да нет, не среди туманностей. Скорее уж, во всей Вселенной. Вчера вечером я хотел сфотографировать туманность Андромеды – есть там одна недавно открытая сверхновая звезда. Сделав расчет, я включил автоматику большо-

го телескопа, но, к счастью, из чистого любопытства заглянул в «искатель» – маленькую подзорную трубу, укрепленную параллельно с большим объективом. И Андромеды там не оказалось! Я ее обнаружил... в восемнадцати градусах от ее обычного положения!

– Ну и ну! – живо откликнулся я. – А знаете, не далее как вчера Бернар Верильяк сказал мне...

– Так он вернулся? – перебил меня Мишель.

– Да, с орбиты Нептуна. Так вот, он сказал, что они ошиблись в расчетах или же что-то отклонило корабль на обратном пути.

– Месье Бурна это будет крайне интересно...

– Бернар должен заскочить в обсерваторию летом. Пока же я могу написать ему, попросить, чтобы сообщил подробности...

Пока мы так болтали, машина стремительно неслась по долине. Рядом с шоссе проходила железная дорога.

– Так теперь поезд идет до самой деревни?

– Нет, эту линию проложили совсем недавно к заводу легких металлов, который достался нам по наследству. К счастью, он полностью электрифицирован – шел бы дым, пришлось бы переносить либо завод, либо обсерваторию.

– И большой он, этот завод?

– Сейчас там триста пятьдесят рабочих, но в будущем их должно стать как минимум вдвое больше.

Мы выехали на извилистую дорогу, поднимавшуюся к об-

серватории. У подножия небольшой горы, на которой она стояла, раскинулась высокогорная долина с маленькой симпатичной деревушкой. Чуть выше деревни виднелся поселок из сборных домиков, сгрудившихся вокруг завода. Вдаль, за гребни гор, уходила линия высокого напряжения.

– Ток идет от плотины, построенной специально для завода, – объяснил Мишель. – Мы сами получаем электричество от нее.

Прямо у подножия холма, на котором стояла обсерватория, возвышались дома моего дяди и его ассистентов.

– А за эти два года тут многое изменилось! – заметил мой брат.

– Вечером за столом намечается большая компания: ваш дядя, Менар, вы двое, мы с сестрой, биолог Вандаль...

– Вандаль? Я знаю его с самого детства! Он старый друг нашей семьи.

– Он здесь с одним из своих коллег по Медицинской академии, знаменитым хирургом Массакром.

– Занятная фамилия для хирурга!¹ – пошутил мой брат Поль. – Брр! Не хотел бы я у него оперироваться...

– И напрасно. Это самый искусный хирург Франции, а может, и всей Европы. С ним, кстати, приехал один из его друзей – и одновременно учеников – антрополог Андре Бреффор.

– Тот самый Бреффор, что занимается патагонцами? –

¹ Массакр (Massacre) – калечение, истребление (*фр.*).

спросил я.

– Так точно. Словом, каким бы просторным дом ни был, сейчас все комнаты в нем заняты.

Сразу же по прибытии я прошел в обсерваторию и постучался в дверь кабинета дяди.

– Войдите! – проревел он, но, увидев меня, смягчился. – А, это ты!..

Поднявшись из кресла во весь свой гигантский рост, он заключил меня в медвежьи объятия. Таким я вижу его и сейчас: седые волосы и брови, черные как уголь глаза, широкая черная-пречерная борода, веером опускающаяся на жилет.

Робкое «добрый день, месье Бурна!» заставило меня сделать полуоборот: у своего стола, заваленного листками с алгебраическими формулами, стоял Менар. То был невысокий мужчина в очках, с козлиной бородкой и огромным морщинистым лбом. Под столь незначительной внешностью скрывался человек, знавший с десятков языков и способный извлекать немислимые корни, человек, которому самые дерзкие теории физики и математики были так же ясны, как мне – бурдигальские ярусы в окрестностях Бордо. В этом мой дядя, превосходный исследователь и экспериментатор, не годился Менару даже в подметки, зато вдвоем они составляли могучую пару в области астрономии и атомной физики.

Стрекот пишущей машинки привлек мое внимание к другому углу.

– Ах да! – спохватился дядя. – Забыл тебя представить.

Мадемуазель, это мой племянник Жан, бездельник, так и не научившийся точному счету. Позор нашей семьи!

– Не один же я такой, – возразил я. – Поль в арифметике смыслит не больше меня!

– Тут ты прав, – признал дядя. – И это притом что их отец щелкал интегралы как орехи! Хиреет наш род, хиреет... Впрочем, с ними тоже не все так плохо. Жан обещает стать прекрасным геологом, а Поль, я надеюсь, кое-что все же понимает в этих его ассирийцах.

– В индусах, дядюшка, в индусах!

– Да какая, в общем, разница: что одни полный сброд, что другие! Жан, это Мартина Соваж, сестра Мишеля, наша ассистентка.

– Как поживаете? – произнесла девушка, протягивая мне руку.

Я пожал ее, не успев даже толком прийти в себя. Я ожидал увидеть остроносоую лабораторную крысу в очках, а передо мной стояла крепкая девушка с фигурой греческой статуи и столь правильным лицом, что его совершенство приводило в отчаяние. Впрочем, лоб, возможно, был чуть низковат, но под ним сияли восхитительные серо-зеленые глаза, а обрамляли его длинные пряди на удивление черных – ведь брат ее был блондином! – волос. Ее нельзя было назвать хорошенькой. Нет, она была по-настоящему красива, красивее всех женщин, каких я когда-либо видел.

Ее рукопожатие было дружеским и коротким, и она сра-

зу же снова погрузилась в свои расчеты. Дядя увлек меня в сторону.

– Вижу, Мартина произвела на тебя впечатление, – усмехнулся он. – Впрочем, как и на всех, кто ее видел; полагаю, дело тут в контрасте с этим местом. А теперь извини меня, но мне еще до вечера нужно закончить работу, чтобы подойти к ночным наблюдениям во всеоружии. Как тебе известно, персонал я все еще не набрал. Ужинаем мы в половине восьмого.

– И как важная работа? – спросил я. – Мишель сказал, происходят какие-то странные явления...

– Странные! Эти явления опрокидывают всю нашу науку! Ты только представь себе это: туманность Андромеды, отклонившуюся на восемнадцать градусов от своего обычного положения! Одно из двух: либо эта туманность действительно сдвинулась, но тогда она должна развить скорость физически невозможную, потому что еще позавчера она была на своем месте, либо, как полагаем я и мои коллеги из Паломарской обсерватории, свет этой туманности отклонился из-за какого-то феномена, которого позавчера еще не было. И не только *ее* свет, но и всех звезд, расположенных в том же направлении, свет Нептуна, возможно, даже... Из всех гипотез наименее абсурдной кажется следующая: ты, конечно же, знаешь – или, скорее, наоборот, не знаешь, – что луч света способно отклонить мощное гравитационное поле. Сейчас все происходит так, как если бы где-то в Солнечной си-

стеме, между Андромедой и нами, появилась некая огромная масса материи и эта масса невидима! Это глупо, невысказано, но тем не менее это так!

– Бернар мне говорил, что когда они возвращались из своей последней экспедиции...

– Ты его видел? Когда?

– Вчера.

– А когда он вернулся?

– Позапрошлой ночью, и как раз с орбиты Нептуна. Так вот, он говорил, что, по всей видимости, их тоже что-то отклонило...

– Насколько? И когда?

– Этого я у него не спросил. Он забежал буквально на минутку и снова умчался. Но он заедет сюда этим летом!

– Этим летом! Право же! Этим летом! Составь телеграмму: пусть немедленно приезжает со всеми своими товарищами и бортовым журналом. Сын садовника отнесет ее на почту. Быть может, в этом и кроется разгадка тайны? Этим летом! Давай беги! Да что же ты стоишь, ей-богу!..

Я мигом исчез, набросал телеграмму, и малыш Бенуа убежал с нею в деревню. Получил ее Бернар или же нет, мне так и не суждено было узнать.

Когда я добрался до дома дяди, все гости были уже в сборе. Первым мне попался на глаза Вандаль, который был моим учителем, когда я еще готовился к экзаменам на аттестат зрелости: высокий и сутуловатый, он был совершенно сед,

хотя тогда ему было не более сорока пяти лет. Он представил меня своему другу Массакру, невысокому смуглому мужчине с округлыми жёстами, и Бреффору, костистому и молчаливому верзиле.

Ровно в семь двадцать прибыли мой дядя и его свита, в половине восьмого мы сели за стол.

За исключением моего дяди и Менара, выглядевших заметно встревоженными, мы все были веселы, даже Бреффор, не без юмора рассказавший, как ему едва удалось избежать, конечно, весьма почетной, но не слишком приятной женитьбы на дочери вождя племени бона с Огненной Земли. Я же, словно зачарованный, не сводил глаз с Мартины. Когда она была серьезна, ее прелестное личико напоминало застывшую маску мраморной статуи, но когда смеялась, откидывая назад голову и отбрасывая тяжелую копну волос, глаза ее сверкали, и она была чудо как хороша!

Впрочем, в тот вечер я не долго наслаждался ее обществом. В четверть девятого дядя встал из-за стола и подал ей знак. Они удалились вместе с Менаром, и через окно я увидел, как они направляются к обсерватории.

Глава 2. Катаклизм

Мы вышли на террасу, чтобы выпить кофе. Вечер был тихий. Далеко на западе заходящее солнце окрашивало в красный цвет высокие горы. Мишель говорил о всеобщем безраз-

личии к астрономическому изучению планет с тех пор, как экспедиция Поля Бернадака начала изучать их, как говорится, «на местах». Вандаль ввел нас в курс последних открытий в области биологии. Наступила ночь. Над горами висел полумесяц, мерцали звезды.

С темнотой пришла прохлада, и мы вернулись в гостиную, но свет зажигать не стали. Я сел лицом к окну рядом с Мишелем. И сейчас, после стольких лет, я с поразительной ясностью помню мельчайшие подробности этого вечера! Я видел четко вырисовывавшийся на фоне ночного неба купол обсерватории, по бокам которого располагались небольшие башенки со вспомогательными телескопами. Общий разговор вскоре распался на уединенные беседы; я говорил с Мишелем. Даже не знаю почему, но на душе у меня было легко и радостно. Мне казалось, что я ничего не вешу, и мне было столь же комфортно в моем кресле, как бывает прекрасному пловцу в воде.

В обсерватории загорелось, погасло, снова загорелось небольшое оконце.

– Я нужен патрону, – сказал Мишель. – Придется идти.

Он взглянул на светящийся циферблат своих часов.

– Который час? – спросил я.

– Одиннадцать тридцать шесть.

Он встал, и – к его и нашему величайшему изумлению – это простое движение отбросило его к расположенной в добрых трех метрах стене.

– Но... Я же совсем ничего не вешу!

Я тоже поднялся и, несмотря на все предосторожности, врезался головой прямо в стену.

– Ну и дела!

Со всех сторон неслись удивленные возгласы. Какое-то время мы вихрем кружились по гостиной, словно пылинки, подхваченные ветром. У всех нас возникло одно и то же тревожное ощущение, некое внутреннее опустошение, головокружение, практически полная утрата понимания того, где теперь верх, где низ. Цепляясь за мебель, я кое-как добрался до окна. Нет, этого не могло быть, – должно быть, я сошел с ума!

Казалось, звезды отплясывают бешеную сарабанду, как это делают их отражения в бурной воде. Они мерцали, разгорались, угасали, снова вспыхивали, резко перемещались с места на место.

– Смотрите! – воскликнул я.

– Конец света, – простонал Массакр.

– Похоже на то, – прошептал Мишель, и я почувствовал, как его пальцы судорожно вцепились в мое плечо.

От этой пляски звезд рябило в глазах; я перевел взгляд ниже и снова воскликнул:

– Взгляните на горы!

Вершины гор исчезали одна за другой! Наиболее приближенные к нам были еще целыми, но те, что располагались подальше, слева, выглядели срезанными так же ровно, как

головки сыра, срезанные ножом. И это надвигалось на нас!

– Моя сестра! – хрипло вскрикнул Мишель и кинулся к двери.

Я видел, как он мчится по тропинке к обсерватории нелепыми длинными скачками метров по десять каждый. Ни о чем не думая, не испытывая ничего, даже страха, я машинально отмечал все происходящее.

Все выглядело так, будто сверху и чуть наискосок на нас падало огромное лезвие, незримое лезвие, выше которого все исчезало. Это длилось, быть может, секунд двадцать!

Я слышал приглушенные возгласы моих спутников, увидел, как ворвался в обсерваторию Мишель. И вдруг она, эта обсерватория, тоже исчезла! Я еще успел заметить, как в нескольких сотнях метров ниже гора разверзлась, словно на геологической диаграмме, обнажая все свои геологические пласты, озаренные странным мертвенно-бледным светом, светом Иного Мира. И уже в следующее мгновение на нас с оглушительным грохотом обрушилась катастрофа.

Дом задрожал, я вцепился в какой-то предмет мебели, уж и не помню в какой, и тут окно вылетело, словно вышибленное изнутри гигантским коленом. Сильнейшим ветром меня вместе с остальными вышвырнуло наружу, и я покатился вниз по склону, ударяясь о камни и напарываясь на кусты, оглушенный, задыхающийся, с сильно разбитым носом. Несколько секунд – и все это закончилось. Я обнаружил, что лежу на земле метрах в пятистах от дома, среди разбросан-

ных тел, обломков деревьев, осколков стекла и черепицы. Обсерватория снова появилась – на первый взгляд, совершенно невредимая. И все вокруг было залито необычным медно-красным светом. Я поднял глаза и увидел солнце – уменьшившееся в размерах, красноватое, далекое. В ушах у меня гудело, левое колено распухло, глаза застилало пеленой. Воздух казался пропитанным странным запахом.

Первая моя мысль была о брате. Он лежал на спине в нескольких метрах от меня. Я бросился к нему, с удивлением ощущая, что снова обрел вес. Глаза Поля были закрыты, из правой ноги, глубоко разрезанной осколком стекла чуть выше щиколотки, шла кровь. Пока я перетягивал ему ногу жгутом, свернутым из носового платка, он пришел в себя.

– Мы еще живы?

– Да, ты ранен, но ничего серьезного. Пойду посмотрю, что с остальными.

Ему удалось сесть.

– Ступай!

Вандаль уже поднимался, Массакр и вовсе отделался всего лишь фонарем под глазом. Он направился к Полю, осмотрел его.

– Пустяки! Жгут, пожалуй, не нужен. Крупные сосуды не задеты.

Больше всех пострадал Бреффор: он лежал без сознания с пробитым черепом.

– Его нужно срочно оперировать, – заметил хирург. – В

доме вашего дяди у меня есть все, что для этого необходимо.

Я взглянул на дом: он вышел из этого испытания с минимальными потерями. Часть крыши была снесена, окна выбиты, ставни сорваны, но все прочее на первый взгляд уцелело. Общими усилиями мы перенесли в дом Бреффора и Поля. Внутри все было перевернуто вверх дном, содержимое шкафов, столов, комодов валялось на полу. Кое-как мы поставили на место большой стол и уложили на него Бреффора. Вандаль взялся помогать Массакру.

Только тогда я наконец вспомнил о своем дяде. Дверь обсерватории была открыта, но никто оттуда не показывался.

– Схожу посмотрю, – проговорил я и, прихрамывая, вышел.

Не успел я завернуть за угол, как наткнулся на садовника, папашу Ансельма, о котором я совершенно забыл. Все его лицо было в крови. Отправив его на перевязку, я доковылял до обсерватории и поднялся по лестнице. Под куполом, возле большого телескопа, не было ни души. В кабинете выглядевший слегка ошеломленным Менар возился со своими очками.

– Где мой дядя? – прокричал ему я.

Протерев окуляры, он ответил:

– Когда это произошло, они уже собирались выйти, так что, где они сейчас, я не знаю...

Выбежав наружу, я принялся кричать:

– Дядя! Мишель! Мартина!

Ответом мне стало чье-то «эй!». Обогнув груды сошедших с горы камней, я увидел дядю, который сидел привалившись спиной к обломку скалы.

– У него вывихнута лодыжка, – пояснила Мартина.

– А где Мишель?

Несмотря на обстоятельства, я залюбовался округлостью ее плеча под разорванным платьем.

– Пошел за водой к ручью.

– Ну и как вы все это объясните, дядя? – спросил я.

– И что я должен тебе сказать? Сам ничего не знаю. Как там остальные?

Я рассказал ему, как обстоят дела.

– Нужно спуститься в деревню, посмотреть, что там... – сказал он.

– К несчастью, солнце уже садится...

– Садится? Да нет же, встает!

– Солнце заходит, дядя. Еще минут десять тому назад оно висело гораздо выше.

– А! Так ты говоришь об этом жалком медном фонарике? Оглянись-ка лучше назад!

Обернувшись, я увидел над порядком осевшими горами сияющий голубоватый шар. Глаза меня не обманывали: мы находились в мире, где было два солнца.

Мои часы показывали десять минут первого.

Часть вторая. Робинзоны космоса

Глава 1.Развалины

Описать всю ту лавину эмоций, что обрушились на меня, я просто-напросто не смогу. Бессознательно, каким бы странным ни казалось мне происходящее, я старался приравнять эту катастрофу к привычным земным нормам: цунами, подземным толчкам, извержениям вулкана.

И вдруг я оказался перед лицом невысказанного, безумного, но в то же время совершенно реального факта: я находился в мире, где светило два солнца! Нет, я не в силах передать охватившее меня смятение. Я пытался отрицать очевидное.

– Но... мы же все-таки на Земле! Вот гора, обсерватория, а там, внизу, деревня...

– Я, конечно же, сижу на частичке Земли! – ответил дядя. – Однако, насколько я смыслю в астрономии, в нашей системе лишь одно солнце – только полные невежи могут не знать столь важного факта, – а здесь, как видишь, их два.

– Но где же мы в таком случае?

– Говорю же: не знаю! Мы были в обсерватории. Она задрожала. Я подумал, что началось землетрясение, и мы – я и Мартина – выбежали. На лестнице столкнулись с Мишелем, и почти тотчас же нас всех выкинуло наружу. Мы потеряли

сознание и потому ничего не видели.

– Зато я видел, – проговорил я, вздрагивая. – Видел, как горы вместе с обсерваторией исчезли в каком-то мертвенном свете. Потом меня тоже вышвырнуло, а когда я пришел в себя, лаборатория снова стояла на своем прежнем месте.

– Подумать только! – горестно воскликнул дядя. – Из четырех астрономов ни один не был свидетелем всему этому!

– Мишель видел самое начало. Кстати, где он? Что-то он долго...

– Действительно, – согласилась Мартина. – Пойду посмотрю.

– Нет, лучше схожу я. Но, дядя, умоляю, скажите: где мы, по-вашему, очутились?

– Повторяю тебе: не знаю! Но уж точно не на Земле. И может быть, даже не в нашей Вселенной, – добавил он вполголоса.

– Значит, о Земле мы теперь... можем забыть навсегда?

– Боюсь, что да. Но займись лучше поисками Мишеля.

Я увидел его, не пройдя и нескольких метров. С ним было двое мужчин: брюнет лет тридцати и рыжеволосый крепыш, которому на вид было под сорок. Мишель представил нас друг другу, что, учитывая обстоятельства, показалось мне комичным. Это были Симон Бевен, инженер-электрик, и Жак Этранж, инженер-металлург, директор завода.

– Мы пришли узнать, что случилось, – объяснил Этранж. – Сначала мы, правда, спустились в деревню: там уже

работают спасательные команды, и мы послали им на помощь своих рабочих. Церковь обрушилась. Мэр, его жена и дети оказались погребенными под руинами мэрии. По первым донесениям, в деревне около полусотни раненых, несколько человек получили весьма тяжелые травмы. Помимо мэра с семьей, одиннадцать погибших. Но большинство домов уцелело.

– А у вас на заводе? – спросил мой дядя.

– Ущерб невелик, – сказал Бевен. – Вы же знаете, каковы эти сборные конструкции – они легкие и монолитные. На самом заводе вырвало из пола несколько станков. Моя супруга получила несколько глубоких порезов. Других пострадавших нет.

– Среди нас есть хирург. Мы сейчас же пошлем его в деревню, – сказал дядя. Затем, повернувшись к нам с Мишелем, добавил: – Вы двое, помогите-ка мне: нужно добраться до дому. Мартина, приведите Менара. Пойдемте с нами, господа.

Войдя в дом, мы увидели, что Вандаль и Массакр потрудились на славу: все снова было в полном порядке. Мой брат и Бреффор лежали в постелях. Массакр собирал свой медицинский саквояж.

– Спустишь вниз, в деревню, – сказал он. – Полагаю, там для меня тоже найдется работа.

– В этом вы правы, – отозвался дядя. – Эти господа только что оттуда; раненых там хватает.

Я присел на краешек кровати Поля:

– Как чувствуешь себя, старина?

– Прекрасно. Разве что нога немного побаливает.

– А Бреффор?

– Тоже неплохо. Уже пришел в сознание. Все обстоит не столь серьезно, как можно было подумать.

– Тогда и я схожу в деревню.

– Ступай, – согласился дядя. – Мишель, Мартина, Вандаль, вы тоже идите. Мы с Менаром управимся без вас.

Мы ушли. По дороге я спросил у инженеров:

– Есть хоть малейшее представление о масштабе катастрофы?

– Нет. С этим придется подождать. Сначала займемся деревней и ближайшими фермами, а уж что там дальше, посмотрим потом...

Главная улица была практически вся завалена обломками домов, зато другие, поперечные, улочки почти все уцелели. Больше всего пострадала центральная площадь: располагавшиеся на ней церковь и мэрия превратились в груды развалин. Когда мы подошли, из-под обломков как раз извлекали труп мэра. Среди спасателей я отметил для себя одну группу, которая действовала наиболее слаженно. В какой-то момент от нее отделился некий молодой человек и подошел к нам.

– А вот и подкрепление! – радостно воскликнул он. – Вы весьма кстати!

Облаченный в синий комбинезон, он был чуть ниже меня

ростом, но гораздо массивнее и, должно быть, обладал недюжинной силой. Под копной черных волос, озаряя все его костистое, с резкими чертами лицо, сверкали пронизательные серые глаза. Я сразу же проникся к нему необъяснимой симпатией, которой в дальнейшем предстояло перерасти в настоящую дружбу.

– Где раненые? – спросил Массакр.

– В банкетном зале. Вы врач? Там ваш коллега, он не откажется от помощи.

– Я хирург.

– Вот так удача! Эй, Жан-Пьер, проводи-ка доктора в медпункт!

– Я пойду с вами, – сказала Мартина. – Буду помогать.

Мишель и я присоединились к группе, разбиравшей завалы. Молодой человек горячо поспорил о чем-то с инженером, затем вернулся к нам.

– Нелегко же было их убедить, что первым делом нужно дать воду и, по возможности, электричество. Они тоже хотели заняться расчисткой! Когда же они будут пользоваться своими знаниями, если не сейчас? Кстати, а вы сами кто по профессии?

– Геолог.

– Астроном.

– Отлично, потом, возможно, пригодится и это. Сейчас есть дела поважнее. За работу!

– Потом? Что вы хотите этим сказать?

– Думаю, вы и так уже знаете, что мы больше не на Земле. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы это заметить! И все-таки это странно. Еще вчера все эти инженеры давали мне указания, а сегодня уже я говорю им, что делать.

– А сами-то вы кто? – поинтересовался Мишель.

– Луи Морьер, старший мастер с завода. Тогда, может, и вы представитесь?

– Его зовут Мишель Соваж, меня – Жан Бурна.

– Стало быть, вы родственник старика? Мировой мужик!

Так, разговаривая о том о сем, мы приступили к разборке обвалившегося дома. К нам присоединились еще двое рабочих.

– Тихо! – сказал вдруг Мишель. – Я что-то слышу.

Из-под груды развалин доносились слабые крики о помощи.

– Скажи-ка, Пьер, – обратился Луи к одному из рабочих, – кто тут жил?

– Мамаша Феррье с дочкой, симпатичной такой девахой лет шестнадцати. Постой-ка! Я как-то раз заходил к ним. Вот здесь была кухня. Должно быть, они в комнате, вон там!

Он указал на полуобвалившуюся часть стены. Мишель нагнулся и крикнул в расщелину:

– Держитесь! Сейчас вы вас вытащим!

Все напряженно прислушались.

Наконец взволнованный девичий голос ответил:

– Скорее! Скорее...

Быстро, но методично мы начали рыть в обломках туннель, иногда натываясь на самые неожиданные предметы: ве-ник, корзинку для рукоделия, радиоприемник. Спустя пол-часа призывы о помощи прекратились. Продолжив рыть, мы пошли на риск, ускорили работу и успели вовремя извлечь из-под развалин Розу Феррье. Ее мать была мертва.

Об этом эпизоде спасательных работ я рассказываю в по-дробностях лишь потому, что позднее Розе, пусть и неволь-но, предстояло сыграть роль этакой Елены Спартанской – именно из-за нее и разгорелась первая теллусийская война.

Мы перенесли девушку в медпункт и, так как у нас уже урчало в животах от голода, сели заморить червячка. Голу-бое солнце стояло в зените, а на моих часах было только семь семнадцать утра. Взошло оно около полуночи. Стало быть, голубой день длился здесь примерно четырнадцать с поло-виной часов.

Всю вторую половину дня мы работали не покладая рук. Вечером, когда голубое солнце закатилось за горизонт на за-паде, а на востоке поднялось крохотное красное солнце, под развалинами не осталось ни одного раненого. Всего их ока-залось восемьдесят один. Двадцать один человек погиб.

Вокруг колодца, теперь иссякшего, раскинулся пестрый лагерь. Растянутые на шестах одеяла служили палатками тем, кто остался без крова. Одну такую, для рабочих своей спасательной команды, соорудил и Луи.

Мы сели перед ней и поужинали холодным мясом и хле-

бом, запивая еду красным вином, которое мне показалось лучшим из всего, что я вообще когда-либо пил в жизни. Потом, в надежде увидеться с Мартиной, я дошел до медпункта, но девушка уже спала. Массакр был доволен: опасных случаев было не много. По его указанию туда же, в санчасть, перенесли на носилках и Бреффора с моим братом. Оба чувствовали себя гораздо лучше.

– Простите, буквально падаю с ног от усталости, – сказал мне хирург, – а завтра у меня операция, которая в данных обстоятельствах обещает быть весьма сложной.

Я вернулся в палатку, улегся на толстый слой соломы и мгновенно уснул.

Разбудил меня шум мотора. Была еще «ночь», тот самый пурпурный сумрак, который теперь называют «красной ночью». Позади одного из разрушенных домов остановился автомобиль. Я обошел руины и увидел своего дядю. Он спустился с горы вместе с Вандалем, чтобы узнать, как идут дела.

– Что нового? – спросил я.

– Ничего. Так как нет электричества, то и купол обсерватории теперь не вращается. Я был на заводе. Этранж говорит, что тока не будет еще долго: плотина осталась на Земле. Кстати, могу тебе сказать, что мы сейчас на планете, которая оборачивается вокруг собственной оси за двадцать девять часов, и что ось ее совсем немного наклонена, если вообще наклонена, по отношению к плоскости орбиты.

– Откуда ты это знаешь?

– Тут нет ничего сложного. Голубой день длился четырнадцать с половиной часов. Красное солнце дошло до зенита за семь часов с четвертью. Стало быть, сутки здесь продолжаются двадцать девять часов. С другой стороны, день и ночь равны, так что мы, несомненно, находимся далеко от экватора, скорее всего, на сорок пятом градусе северной широты. Из этого я делаю вывод, что ось планеты имеет весьма незначительный наклон, если только мы, конечно же, не угодили точно в период равноденствия. Красное солнце располагается за пределами нашей орбиты и, вероятно, так же как и мы, вращается вокруг голубого солнца. Мы перенеслись сюда в тот момент, когда оба солнца и мы сами противостояли планете. Позднее нам следует ожидать дней, когда будут светить сразу оба солнца или же, напротив, ни одно из них. Тогда наступят черные ночи – или, скорее, лунные.

– Лунные? Так здесь есть луна?

– Взгляни на небо!

Я поднял глаза. Бледные в розовом небе, над нашими головами действительно сияли две луны: одна была примерно такой же, как и наша старая, земная луна, другая – гораздо более крупной.

– Только что их было и вовсе три, – продолжал дядя. – Самая маленькая уже зашла.

– Сколько же еще продлится эта «ночь»?

– Около часа. На завод заходили крестьяне с окрестных

ферм. Там жертв не много. Но вот дальше...

– Не мешало бы съездить туда, – сказал я. – Я возьму твою машину, и мы отправимся с Мишелем и Луи. Надо же узнать, как далеко простирается наша территория!

– Тогда я поеду с вами.

– Нет, дядя, у тебя вывихнута нога. Мы можем где-нибудь поломаться и будем вынуждены идти пешком. Сейчас мы совершим сверхбыструю вылазку. Но позднее...

– Ладно, так и быть. Помоги мне тогда выйти и доведи до вашей санчасти. Вы со мной, Вандаль?

– Я бы тоже не прочь поучаствовать в этом рейде, – ответил биолог. – Полагаю, участок земной поверхности здесь не очень велик, и вы намерены объехать его весь, не так ли?

– Если найдем проезжие дороги. Что ж, поедемте с нами. Возможно, обнаружим какую-нибудь неизвестную фауну. Да и вообще, эта поездка рискует оказаться нелегкой, так что ваш опыт путешествий по Новой Гвинее вполне может оказаться полезным.

Я разбудил Мишеля и Луи.

– Хорошо, я готов, – сказал последний, – только сначала хотел бы поговорить с вашим дядей. Вас не затруднит, месье Бурна, – обратился он к астроному, – в наше отсутствие подсчитать жителей, запасы продовольствия, оружия, инструментов и прочего? После смерти мэра вы здесь единственный, к кому все прислушаются. Вы в хороших отношениях и с кюре, и с учителем. По-моему, если кто вас здесь и

недолюбливает, так только кабатчик Жюль – возможно, потому, что вы никогда к нему не заходите. Но этого я беру на себя – будет как шелковый. Естественно, мы вернемся еще до того, как вы закончите.

Мы погрузились в автомобиль, старой открытой модели, но вполне еще надежный. Я уже взялся за руль, когда дядя окликнул меня:

– Пстой! Захвати-ка с собой то, что лежит в моем портфеле!

Открыв портфель, я вытащил оттуда пистолет уставного образца, сорок пятого калибра.

– Это мой офицерский, – сказал дядя. – Возьми его. Кто знает, что вам там встретится? В бардачке лежат две коробки патронов.

– Вот это здравая мысль! – одобрительно заметил Луи. – А другого оружия у вас нет?

– У меня нет, но в деревне, полагаю, найдутся охотничьи ружья.

– А ведь и правда! Заскочим по пути к папаше Борю. Когда-то он был аджюданом² в колониальных войсках, а сейчас сделался заядлым охотником.

Мы разбудили старика и, несмотря на его бурные возражения, реквизировали добрую половину его арсенала: один винчестер, два охотничьих ружья и заряженные крупной дробью патроны.

² *Аджюдан* – унтер-офицерское звание во французской армии.

Выехав с рассветом, мы двинулись на восток. Сначала, пока это было возможно, ехали по дороге; местами она была перерезана неприятными разломами, но нам, если не считать одного небольшого объезда, удавалось их преодолевать. Примерно на час нас задержал довольно-таки серьезный завал. Часа через три после выезда мы угодили в зону сплошного хаоса: впереди, на сколько хватало глаз, громоздились вздыбленные горы, огромные кучи земли, камней, деревьев и – увы! – развалины домов.

– Должно быть, мы уже совсем рядом с краем земли, – сказал Мишель. – Пойдемте пешком.

Оставив – возможно, и опрометчиво – автомобиль без охраны, мы прихватили оружие, немного еды и углубились в опустошенную зону. Больше часа мы с трудом продвигались вперед. Для меня, геолога, окружавший нас ландшафт выглядел совершенно невероятным. Здесь перепуталось все: осадочные породы, кристаллическая магма, мезозойские и третичные отложения, настолько перемешанные, что в одном и том же месте я обнаружил трилобит, сеноманский аммонит и третичные нуммулиты.

Пока я собирал окаменелости, Луи и Вандаль, возглавлявшие шествие, взобрались по склону. Достигнув гребня, они оба практически в один голос изумленно вскрикнули, и мы с Мишелем поспешили присоединиться к ним. До самого горизонта перед нами простиралось огромное, с маслянистыми водами, болото, поросшее жесткой, сероватой, словно

припорошенной пылью растительностью. Пейзаж был зловещий и грандиозный. Вандаль достал бинокль и принялся внимательно вглядываться в даль.

– Там горы! – сказал он.

Он протянул мне свой оптический аппарат. Далеко-далеко, на юго-востоке, на фоне неба вырисовывалась голубоватая линия.

Во все стороны от мыса, образовывавшего «зону суши», собираясь в складки и поглощая растительность, тянулись ил и тина. Мы осторожно спустились к краю воды. Вблизи она показалась нам довольно прозрачной, тогда как само болото выглядело весьма глубоким.

– Куда ни глянь – сплошная пустота, – заметил Вандаль. – Ни рыбы, ни птиц.

– Посмотрите-ка туда! – сказал Мишель.

Он указывал на тинистую отмель чуть поодаль, где лежало какое-то зеленоватое существо примерно метровой длины.

С одного его конца можно было различить ротовое отверстие, окруженное шестью мягкими щупальцами; у основания каждого из них светился неподвижный сине-зеленый глаз. На другом конце туловища был мощный хвост, заканчивающийся сплюснутым плавником. Рассмотреть больше деталей нам не удалось: отмель была недоступна. Но когда мы уже взбирались на склон, точно такое же существо быстро пролетело над поверхностью воды с прижатыми к телу щупальцами и тут же – мы едва успели его заметить – снова

ушло под воду.

Прежде чем вернуться к авто, мы бросили последний взгляд на болото и тут впервые с момента нашего прибытия на эту планету увидели проплывавшее высоко в небе облачко. Оно было зеленоватого цвета. Лишь позднее нам суждено было узнать его зловещее значение.

Вернувшись, мы обнаружили, что машина стоит с включенными фарами.

– Я, однако же, совершенно уверен, – сказал я, – что оставил их выключенными. Кто-то определенно порылся тут!

Но вокруг автомобиля, на пыльной земле, были отпечатки только наших собственных ног. Я щелкнул тумблером, чтобы выключить фары, и вскрикнул: рукоятка оказалась покрыта некой клейкой и холодной субстанцией, напоминавшей слизь улитки.

Доехав до развилки, мы повернули на север и довольно скоро вынуждены были остановиться у крупного нагромождения горной породы, – судя по всему, здесь случился обвал.

– Лучше вернуться в деревню и уже оттуда рвануть по дороге, что идет вдоль поляны, – сказал Луи. – Здесь мы практически у границы мертвой зоны.

Так мы и поступили. В деревне мы обнаружили моего дядю сидящим в кресле с вытянутой вперед перевязанной ногой и о чем-то беседующим с кюре и учителем. Мы объявили, что раньше завтрашнего дня нас ждать не следует, и погнали прямо на север. Дорога сначала поднялась на

небольшой перевал, потом спустилась в вытянутую параллельно хребту долину. Мы обнаружили несколько ферм, которые практически не пострадали: крестьяне присматривали за скотом и занимались своими делами, словно ничего и не произошло. Еще через несколько километров путь нам снова преградили обвалы. Но здесь зона разрушений была менее широкой, и посреди нее возвышалась уцелевшая гора. Мы взобрались на нее и смогли обозреть местность сверху. Здесь «зону суши» также окаймляли одни болота. Уже подступала красная ночь, и мы, порядком уставшие за день, заночевали на одной из ферм. После шести часов восстановительного сна мы двинулись на запад. На сей раз нас остановили уже не болота, но унылое море.

Тогда мы повернули на юг. До мертвой зоны километров на двенадцать простиралась земля. Дорога каким-то чудом уцелела среди обвалов, что значительно облегчало разведку. Ехать, однако, приходилось очень медленно, потому что местами часть дороги загромождали обломки скал. Внезапно за поворотом перед нами возник совершенно нетронутый уголок – окруженная лесами и лугами небольшая долина.

Осыпи здесь запрудили горную речушку, и она разлилась в сверкающее озерцо. На пологом склоне стоял маленький замок, к которому вела тенистая аллея. Проехав по ней какое-то время, я заметил табличку: «Въезд воспрещен! Частная собственность!»

– Думаю, – пробормотал Мишель, – что, учитывая обсто-

ательства...

Не успели мы остановиться перед замком, как на крыльце появились молодой человек и две девушки. Лицо юноши искажала гримаса злобного удивления. Он был довольно высок, смугловат, плотно сбит и по-своему даже красив. Одна девушка, тоже довольно хорошенькая, явно приходилась ему сестрой. Другая – она выглядела постарше – была слишком яркой блондинкой, чтобы цвет ее волос можно было принять за естественный. Молодой человек быстро сбежал по ступеням:

– Вы что, читать не умеете?

– Я думал, – начал было Вандаль, – что в подобных обстоятельствах...

– Какие еще могут быть обстоятельства? Это частная собственность, и я не желаю видеть здесь никого, кроме тех, кто сюда приглашен!

В то время я был молод, горяч и не слишком учтив, а потому не сдержался:

– Послушай-ка, сосунок, мы приехали посмотреть, не обрушился ли этот славный замок, который, судя по всему, едва ли является вашим родовым именем, на то, что тебе заменяет голову, а вы вот, значит, как нас встречаете?

– Проваливайте с нашей земли, – завопил он, – или я прикажу вышвырнуть вас отсюда вместе с вашей колымагой!

Я уже собирался выскочить из машины, когда в разговор вмешался Вандаль:

– Не нужно на нас кричать. Мы, конечно, уедем, и уедем без всякого сожаления. Но позвольте предупредить вас, что теперь мы на другой планете, где ваши деньги едва ли имеют хождение...

– Что здесь происходит?

На крыльце, в сопровождении дюжины здоровенных и малосимпатичных парней, появился широкоплечий мужчина в самом расцвете лет.

– Отец, эти типы въехали сюда без разрешения и теперь...

– Заткнись, Шарль! – оборвал его хозяин замка. Затем, обращаясь к Вандалю, промолвил: – Вы что-то там говорили о другой планете. Как вас понимать?

Вандаль объяснил.

– Стало быть, мы уже не на Земле? Интересно, очень интересно... И эта планета девственная?

– Пока что, должен признаться, мы видели только болота с двух сторон и море – с третьей. Остается разведать, что находится с четвертой – вашей – стороны, если, конечно, ваш сын нам позволит!

– Шарль молод и не знал, что случилось. Мы практически ничего из этого не поняли. Сначала я решил, что произошло землетрясение, но когда увидел два солнца и три луны... Спасибо, что прояснили ситуацию. Надеюсь, вы пропустите с нами по рюмочке?..

– Благодарю, но мы спешим.

– Ну что вы! Ида, скажи, пусть приготовят...

– Честное слово, – прервал его я, – мы действительно очень торопимся! Нам еще нужно добраться до края этой земли и к вечеру вернуться в деревню.

– В таком случае не буду настаивать. Завтра я к вам заеду узнать результаты вашей разведки.

Мы двинулись дальше.

– Не слишком-то симпатичные люди, – заметил Мишель.

– Да уж, весьма мерзопакостные, – согласился Луи. – Знаете, кто они? Оннегеры, швейцарцы – как они сами уверяют, – миллиардеры, сколотившие состояние на торговле оружием. Сын еще хуже отца. Уверен, что раз у него водятся деньжата, все девушки только о том и мечтают, что упасть в его объятия. Нет в мире справедливости! Уж лучше бы их завалило камнями вместо бедняги-мэра! Хороший был мужик, порядочный во всех отношениях...

– А что за белокурая красотка была с ними?

– Мадлен Дюше, – ответил Мишель. – Киноактриса. Более известна своими скандальными похождениями, чем игрой. Ее фото были во всех газетах.

– А дюжина типов с физиономиями висельников?

– Вероятно, подручные, которые нужны для их грязных делишек, – сказал Луи.

– Боюсь, эти люди доставят нам немало хлопот, – задумчиво произнес Вандаль.

Мы въехали в еще одну мертвую зону. На то, чтобы пересечь ее, у нас ушло четыре часа пешей прогулки, но зато на

сей раз, к нашему величайшему удовольствию, за ней оказалась твердая почва. Я чувствовал себя взволнованным. Стоя на обломке известняка, наполовину скрытом неведомой растительностью, я с пару мгновений не решался ступить ногой на почву иного мира. В итоге Луи и Мишель, менее впечатлительные, в этом меня опередили.

Мы собрали образцы растительности. То были зеленые травы с жесткими, режущими стеблями без соцветий, кустарники с поразительно прямыми стволами и серой корой металлического отлива. Смогли мы как следует рассмотреть и одного из представителей местной фауны. Обнаружил его Луи. То оказалось некое пресмыкающееся, имевшее форму плоской, длиной около трех метров, змеи, слепое и беспозвоночное. На предполагаемой голове у него были две большие, заостренные, с каналами внутри мандибулы – примерно такие же, по словам Вандаля, имеются у личинок жука-плавунца. В земной фауне чего-то похожего на эту «слепую змею» ему не встречалось. Правда, и эта была мертвой, уже начинавшей иссыхать. Я заметил на ее коже рваное отверстие, вокруг которого застыла блестящая слизь.

Вандаль очень хотел захватить нашу находку с собой, но, присмотревшись, мы увидели – скорее, даже ощутили, – что сухой была только кожа, а внутренности неведомого создания находятся в крайней стадии разложения, поэтому пришлось удовлетвориться одним лишь фотографированием. Так как в высокой траве могли скрываться и другие подоб-

ные экземпляры – только живые и, вероятно, опасные, – мы поспешили отправиться в обратный путь.

За нашей спиной, куда ни кинь взгляд, простиралась травянистая степь, вдали плавало по небу зеленое облако.

Глава 2. Одиночество

Прежде чем думать об исследовании планеты, нужно было как следует обосноваться на том клочке земной территории, который последовал за нами, и организовать здесь хоть какое-то общество. В деревне нас ждала хорошая новость: в колодцах снова появилась вода. Произведенный Вандалем анализ выявил, что она вполне пригодна для питья, пусть и немного солоновата. Полным ходом шла перепись. С людьми дело обстояло просто, со скотом – чуть сложнее, но труднее всего – с материальными запасами. Прав был мой дядя, когда говорил: «Меня здесь, конечно же, знают, но я для них тут никто – не мэр и даже не муниципальный советник».

Из подсчетов вытекало, что население деревни и окрестностей составляет 943 мужчины, 1007 женщин и 897 детей в возрасте до шестнадцати лет, итого – 2847 человек. Скота, похоже, было много, особенно рогатого.

Ознакомившись с докладом, Луи сказал:

– Завтра утром нужно провести общее собрание.

Он нашел добровольного глашатая и вручил ему клочок бумаги, на котором карандашом был написан некий текст.

Этот листок до сих пор у меня, весь пожелтевший и едва уже не рассыпающийся.

Вот полный текст воззвания:

«Гражданки и граждане, завтра утром на площади у колодца состоится общее собрание. Месье Бурна, астроном, объяснит причины катастрофы. Луи Морьер и его товарищи расскажут о результатах разведки.

Сбор через два часа после восхода голубого солнца. Нужно принять несколько важных решений на будущее. Присутствие обязательно».

Я как сейчас помню это первое собрание. Сначала слово взял Луи:

– Прежде чем месье Бурна объяснит, насколько это возможно, что с нами случилось, я сам скажу пару слов. Вы, должно быть, уже осознали, что мы больше не на Земле.

Теперь, когда со спасением раненых покончено, нам придется решать трудные задачи. Первым делом нужно организоваться. Ни одно человеческое сообщество не может жить без законов. За нами последовала часть Земли длиной примерно тридцать километров и шириной километров семнадцать, этакий неправильной формы ромб площадью около пятисот квадратных километров. Но обольщаться не стоит: только четверть этой площади пригодна для обработки, все остальное там – развороченные горы. Думаю, чтобы прокор-

миться, земли нам хватит, хотя по итогам переписи наше население может значительно возрасти. Но главная проблема заключается не в земле – ее любой желающий сможет получить хоть по несколько тысяч гектаров, потому что нас ждет целая планета. Главная проблема – рабочая сила. Теперь нам понадобится каждый человек, и работать придется всем. Нам неслыханно повезло с тем, что здесь вместе с нами оказались инженеры и ученые. Но все равно нам придется рассматривать себя как пионеров и проникнуться их менталитетом. Тот, кто вместо помощи соседу вредит ему, – преступник, и таковым и будет считаться. Хотим мы этого или же нет, отныне таков наш закон, и нам придется либо подчиниться ему, либо сдохнуть! После собрания, вместе с добровольцами, я проведу перепись профессий. Те, кто явились сюда, предоставят сведения об отсутствующих. Послезавтра общее собрание выберет депутатов, которые создадут правительство; обычными делами будет по-прежнему заниматься муниципальный совет. А теперь я передаю слово месье Бурна.

– Дорогие друзья! Как вы знаете, беспрецедентная катастрофа оторвала нас – боюсь, что навсегда, – от нашей старушки Земли, забросив в неведомый мир. Что это за мир? Пока я не могу вам этого сказать. Вы уже могли заметить, что здесь два солнца и три луны. Пусть это вас не пугает. Месье кюре и ваш учитель, которые не раз заходили ко мне в обсерваторию, могут вам подтвердить, что подобные вещи мож-

но наблюдать в небе довольно-таки часто. По некоей ниспосланной Провидением случайности (здесь кюре одобрительно кивнул) мы попали на планету, воздух которой, по правде сказать, мало чем отличается от земного и вполне нам подходит. Согласно моим предварительным расчетам, эта планета должна быть чуть больше Земли. Луи Морьер только что объяснил, и вполне доходчиво, что нам остается делать. Когда я узнаю что-нибудь новое об этом мире, который теперь стал *нашим* миром, я вам об этом сообщу.

Реакция аудитории в целом оказалась хорошей. Крестьяне с отдаленных ферм явно уже примирились с катастрофой: семьянины и домоседы, привязанные к своим полям, они по большей части сохранили все, что у них было, а прочим не очень-то и интересовались. Жители деревни оказались куда более недоверчивыми.

– Да что он нам, старик-то, тут заливает про этот его иной мир!.. Туда и попадают-то только после смерти, а мы еще живы!

– И однако же, здесь и вправду два солнца!

– Ну, второе-то совсем маленькое. И потом, с этой их наукой мы еще и не такое увидим. Если хотите знать мое мнение, все это происки китайцев, и это второе солнце – что-то вроде атомной бомбы.

Семейные драмы также разыгрывались в основном среди деревенского населения. Один юноша никак не мог свыкнуться с мыслью, что больше никогда не увидит свою неве-

сту, которая уехала погостить к кухне, и потому во что бы то ни стало хотел послать ей телеграмму. У многих в результате обвалов гор или под развалинами домов погибли родные.

Утром следующего дня – это было воскресенье – нас разбудил колокольный звон. С помощью прихожан кюре извлек из-под развалин церкви колокола, и теперь, подвешенные к большой ветке дуба, они вовсю трезвонили. Когда мы подошли, он уже отслужил воскресную мессу под открытым небом. Славный человек был этот кюре, и позднее он доказал, что в его упитанном теле жила героическая душа.

Я приблизился к нему:

– Что ж, монсеньор, поздравляю. Ваши колокола напомнили нам о родной Земле. До чего же приятные воспоминания!..

– Монсеньор? – вскинул брови кюре.

– Ну да, вы же теперь епископ. Да что я говорю? Папа!

– Боже милостивый, об этом я и не подумал! Это же колоссальная ответственность, – добавил он, бледнея.

– Полноте! Все будет в порядке!

Я оставил ошеломленного толстяка и направился к Луи, уже обосновавшемуся в школе. Ему помогали учитель с женой, оба еще совсем молоденькие.

– Как твоя перепись? Продвигается?

– Ну да, потихоньку. Если один что-нибудь скрывает, за него всегда готовы сказать другие. Предварительный подсчет таков: два учителя, два каретника, три каменщика,

один плотник, один ученик плотника, один автовеломеханик, один кюре, один пономарь, три владельца кафе, один булочник, два пекаря, два галантерейщика, три бакалейщика, один кузнец с двумя подручными, шесть каменоломов, два жандарма, триста пятьдесят рабочих завода, пять старших мастеров, пять инженеров, четыре астронома, один геолог (ты), один хирург, один врач, один аптекарь, один биолог, один историк (твой брат), один антрополог, один ветеринар, один часовщик, он же радиомастер, один портной с двумя учениками, две швеи, один сельский полицейский. Остальные – земледельцы. Что касается папаши Борю, то он настоял, чтобы его записали как «браконьера». Ах да, совсем забыл! Еще владец замка с сыном, дочерью, любовницей и по меньшей мере дюжиной сбиров, не считая прочей челяди. От этих, кроме неприятностей, ничего другого ждать не приходится.

– Каковы материальные ресурсы?

– Одиннадцать машин на ходу плюс автомобиль твоего дяди и двадцатисильный железный конь Мишеля, потребляющий слишком много бензина; восемь тракторов, один из которых гусеничный; восемнадцать грузовиков, из них пятнадцать – заводские; десять мотоциклов и около сотни велосипедов. К сожалению, осталось лишь двенадцать тысяч литров бензина и тринадцать тысяч шестьсот литров дизельного топлива. Запасных шин тоже маловато.

– В крайнем случае обойдемся без бензина – будем ездить

на дровяных газогенераторах.

– И где ты их возьмешь, эти газогенераторы?

– На заводе сделаем.

– Нигде нет электричества! Правда, есть аварийные генераторы с паровыми двигателями, но у нас крайне мало угля, да и дров недостаточно.

– Тут, в горах, неподалеку, были целые залежи угля. Они должны были перенестись сюда вместе с нами. Конечно, не слишком удобные для разработки, но другого выхода у нас нет.

– Найди их. Это твоя работа. Что касается продовольствия, то им мы вполне обеспечены, но до следующего урожая нужно будет вести строгий учет. Может быть, даже придется ввести продовольственные карточки, хотя, по правде сказать, я даже не представляю, как народ отнесется к подобному предложению.

Первые выборы на Теллусе прошли уже на следующий день. Никакой конкретной программы не было: собравшимся просто объявили, что они должны избрать совет, или Комитет общественного спасения.

Предполагалось, что комитет этот будет состоять из девяти человек: каждому избирателю нужно было подать список с девятью именами, и в совет проходили набравшие больше всех голосов.

Результаты удивили многих. Первым избранным, с 987 голосами из 1302, стал первый заместитель мэра, Альфред

Шарнье, богатый крестьянин.

Вторым, 900 голосами, был избран некий школьный учитель, его дальний родственник; третьим, набрав 830 голосов, прошел кюре. Далее последовали Луи Морьер (802 голоса), Мари Прель, бывшая муниципальная советница, крестьянка, но притом женщина весьма образованная (801 голос), мой дядя (798 голосов), Этранж (780 голосов) и, как ни странно, Мишель (706 голосов) – оказалось, он весьма популярен среди женской половины населения! – и даже я сам (700 голосов).

Позднее я узнал, что своим избранием обязан Луи, который провел за меня настоящую избирательную кампанию, говоря всем, что только я смогу отыскать столь необходимые железо и уголь. Зато владелец самого большого в деревне кабака, к его величайшему разочарованию, получил всего 346 голосов!

Что нас удивило больше всего, так это малое число избранных крестьян. Возможно, в этих необычных обстоятельствах избиратели решили довериться тем, кто, по их мнению, за счет своих знаний мог извлечь пользу из чего угодно, а может быть, они просто не слишком доверяли друг другу и предпочли выбрать людей, далеких от деревенских склок.

Мы предложили должность председателя Альфреду Шарнье как получившему больше всех голосов, но он отказался, и ее по очереди занимали кюре и учитель.

В тот же вечер Луи, деливший одну комнату со мной и

Мишелем, сказал нам:

– Нам нужно сформировать блок. Ваш дядя будет с нами. Думаю, мы можем рассчитывать и на учителя. Нас будет пятеро, а это уже большинство. Конечно, придется навязывать свои взгляды – что будет не всегда легко. Но нас поддержат рабочие и даже, возможно, часть деревенских жителей, быть может, даже инженеры. И дело не в личных амбициях – я действительно полагаю, что только мы отчетливо понимаем, как именно нужно управлять этим клочком планеты.

– То есть, – сказал Мишель, – ты предлагаешь нам установить диктатуру?

– Диктатуру? Да нет, всего лишь сильное правительство.

– Особой разницы я не вижу, – проговорил я, – но думаю, что это действительно необходимо. У нас появится оппозиция...

– Кюре... – начал Мишель.

– Совсем необязательно! – прервал его Луи. – Он умен, и, так как в религиозные дела мы вмешиваться не будем, полагаю, мы и его сможем привлечь на свою сторону. Крестьяне? Они получают столько земли, сколько смогут обработать. В том крайне умеренном коллективизме, который я для нас наметил, нет ничего такого, что может их встревожить. Нет, трудности придут, когда мы начнем ломать старые привычные представления. Вначале, в ближайшем будущем, уж точно будет непросто. Позднее, через несколько поколений, возникнут новые проблемы, сейчас же речь идет исключительно

о выживании. И если мы начнем изводить себя по пустякам или позволим воцариться здесь беззаконию...

– Так и быть, я с тобой.

– Я тоже, – промолвил Мишель. – Хотя если бы кто-нибудь предсказал, что однажды я стану членом директории...

Первое заседание совета было посвящено распределению «министерских портфелей».

– Начнем с народного просвещения, – сказал Мишель. – Предлагаю избрать министром месье Бурна. Мы во что бы то ни стало обязаны сохранить наше научное наследие. Каждый из нас, ученых, должен выбрать себе среди школьников наиболее способных учеников. Сначала мы передадим им свои практические знания. Теорию будем преподавать потом, отличникам, если таковые найдутся. Одновременно с этим нужно будет написать книги, чтобы пополнить библиотеку обсерватории – к счастью, там сохранилось достаточное количество самых разнообразных научных трудов – и библиотеку школы.

– Прекрасно! – согласился Луи. – Министром промышленности предлагаю назначить месье Этранжа, сельское хозяйство поручить господину Шарнье. Ты, Жан, будешь министром геологии, – это очень важный пост. Месье кюре станет нашим министром юстиции; господин учитель, на досуге изучавший политическую экономию, – министром финансов. Нам придется запустить в оборот деньги, чтобы иметь хоть какое-то средство обмена.

– А я? – спросил Мишель.

– Ты займешься организацией полиции.

– Хочешь, чтобы я стал легавым?

– Да. Правда, придется потрудиться – на твои плечи лягут всевозможные описи, реквизиции, поддержание порядка и так далее. Ты пользуешься популярностью, – это тебе поможет.

– Так я быстро растеряю все симпатии! А ты что будешь делать?

– Погоди. Мари Прель станет министром здравоохранения, в помощники ей определим доктора Массакра и доктора Жюльена. Что касается меня, то я, если позволите, займусь армией.

– Армией? Почему бы тогда еще и не флотом?

– Кто знает, что нам уготовила эта планета? К тому же я буду весьма удивлен, если в самое ближайшее время так или иначе не проявит себя тот мрачный тип из замка.

Луи как в воду глядел. Уже на следующий день на наших стенах появились десятки листовок, отпечатанных типографским способом. Говорилось в них следующее:

«Горожане и крестьяне!

Так называемый Комитет общественного спасения захватил власть, прикрываясь видимостью демократии. Кто входит в этот комитет? Из девяти членов – пятеро чужаков! Рабочий, трое „интеллектуалов“, инженер, учитель – вот уже

шесть голосов против трех крестьян и голоса господина кюре, втянутого в эту авантюру вопреки его воле. Что могут понимать все эти люди в ваших законных чаяниях? Кто лучше, чем я, крупный землевладелец, сумеет постичь ваши стремления и разделить их с вами? Вставайте на мою сторону, разгоните эту клику! Приходите к моему замку в Долине!

Иоахим Оннегер».

Луи торжествовал:

– Я же вам говорил! Придется принять меры.

Первой такой мерой стала реквизиция всего оружия и раздача его гвардии, набранной среди наиболее надежных элементов. Гвардия состояла из пятидесяти человек и была поставлена под командование Симона Бевена, лейтенанта запаса. Этот зародыш армии, несмотря на самое пестрое вооружение, тем не менее представлял собой уже довольно-таки значительную полицейскую силу.

К тому времени окончательно выяснилось, что мы на планете одни. Инженерам, которым помогали Мишель и мой дядя, удалось собрать весьма мощный передатчик, Радио-Теллус. В память о Земле мы назвали нашу новую планету Теллусом – таково было латинское имя нашей родины. Большая луна стала Фебом, средняя – Селеной, маленькая – Артемидой. Голубое солнце получило имя Гелиос, красное – Соль. Под этими именами знаете их и вы.

С вполне объяснимым волнением Симон Бевен отправил

в эфир первые позывные. Пробуя волны самой разной длины, мы повторяли передачи на протяжении двух недель, но так и не получили никакого ответа. Так как угля было мало, дальнейшие передачи мы вели уже только раз в неделю, но и на эти наши призывы никто не откликнулся. В конечном счете мы вынуждены были смириться с тем, что отныне обречены на одиночество. Кроме нас самих, людей на Теллусе не оказалось – разве что, возможно, какие-то отдельные группки, не имеющие радиоприемников.

Глава 3. Гидры

Если не считать появления новых листовок примерно такого же содержания, Оннегер нас больше не беспокоил. Поймать расклейщиков пока не удавалось. Но вскоре владелец замка напомнил о своем существовании самым трагическим образом.

Я уже говорил Розе Феррье, девушке, которую мы вытащили из-под развалин в первый день после катастрофы? Несмотря на молодость – ей едва исполнилось шестнадцать лет, – она была самой красивой девушкой деревни. Учитель предупредил нас, что до катастрофы за ней усиленно приударял Шарль Оннегер. И вот однажды – была красная ночь – мы проснулись от выстрелов. Мишель и я мгновенно поднялись, однако Луи оказался еще быстрее, и мы выбежали на улицу уже вслед за ним. Навстречу нам из багрового по-

лумрака выскакивали обезумевшие люди. С револьверами в руках мы бросились к месту перестрелки. Там уже действовал ночной патруль: раздавались выстрелы охотничьих ружей и сухой треск винчестера папаши Борю, который вступил в нашу армию в прежнем чине аджудана. Взметнулись языки пламени, освещая улицу: один дом горел. Перестрелка была беспорядочной, суматошной. Едва мы высунулись на площадь, как пули засвистели над нашими головами и слышались автоматные очереди: у нападавших были автоматы! Мы ползком добрались до папаши Борю.

– Одного снял, – сообщил он нам, светясь от гордости. – Прямо на бегу, как когда-то серн сбивал!

– Одного – кого? – спросил Мишель.

– А я почему знаю! Одного из тех мерзавцев, что напали на нас.

Прозвучали еще несколько выстрелов, и сразу же вслед за ними – отчаянный женский крик:

– Ко мне! Кто-нибудь! Помогите!..

– Это Роза Феррье, – сказал Луи. – Похоже, этот подлец Оннегер вздумал ее похитить.

Автоматная очередь заставила нас пригнуться. Крики затихали вдали. Заурчал мотор автомобиля.

– Ну, погоди немного, свинья! – прокричал Мишель.

Ему ответил ехидный смех, потом шум мотора удалился. Возле горящего дома осталось несколько убитых и один раненый, который пытался уползти в сторону. Мы не верили

своим глазам, – это был деревенский портной! Картечь пробила ему икры. В кармане у него мы нашли магазин от автомата.

Допрос занял немного времени. Надеясь спасти свою шкуру, предатель раскрыл все планы Оннегера, во всяком случае то, что знал. Владелец замка намеревался захватить деревню и стать диктатором Теллуса. У него было человек пятьдесят наемных бандитов и большой запас современного оружия. К счастью для нас, его сынок не захотел ждать и решил с дюжиной гангстеров похитить Розу Феррье, которой он давно, но тщетно домогался. Портной был его шпионом; после налета он рассчитывал укрыться в замке. Вместе с портным листовки Оннегера расклеивал кабатчик Жюль Модрю. В ту же ночь мы повесили обоих предателей на ветке большого дуба.

Мы потеряли в схватке трех человек убитыми, шестеро были ранены. Исчезли три девушки: Роза, Мишель Оудуй и Жаклин Прель, племянница Мари. Но зато после ночного налета все жители деревни и окрестных ферм встали на нашу сторону. Бандиты оставили на месте боя двух убитых, два автомата, револьвер и довольно значительное количество патронов. На рассвете, еще до восхода голубого солнца, совет единогласно объявил Шарля и Иоахима Оннегеров вместе со всеми их сообщниками вне закона и отдал приказ о мобилизации. Однако неожиданные события заставили нас отложить наступление на замок.

В то утро, когда наша армия собиралась на площади, в деревню ворвался обезумевший от ужаса мотоциклист. Этот крестьянин жил со своей женой и двумя детьми на уединенной ферме километрах в пяти от деревни. Дня три назад он сообщил нам о том, что одна из его коров погибла при весьма странных обстоятельствах: утром она была совершенно здорова, а вечером хозяин нашел на пастбище только ее скелет да шкуру, из-под которой словно высосали всю кровь, мясо и внутренности. На коже осталось с десятков непонятных отверстий. И вот сегодня этот крестьянин примчался вновь. Он соскочил с мотоцикла так поспешно, что упал на землю и прохрипел:

– Эти паразиты несут смерть! Они – что-то вроде летучих осьминогов и убивают одним ударом!..

Несчастный был бледен как мел и весь дрожал. Только выпив полный стакан водки, он смог рассказать нам, что произошло:

– В общем, выгнал я на заре коров, хотел хлев почистить. Пьер, мой сынишка, погнал их на пастбище. Я, конечно, видел в небе зеленое облачко, да кто же, черт его, знал, что это за штука! В этом мире два солнца и три луны, думал я, так почему бы не быть зеленым облакам? Ну и вот. Пьер уже возвращался, когда облако вдруг начало падать. Да и упало! И я увидел, что это добрая сотня зеленых осьминогов и у всех присоски болтаются вроде рук. Они обрушились прямо на стадо, и бедные коровы попадали замертво. Я крик-

нул Пьеру: «Прячься!» – только он не успел, бедняга. Один осьминог полетел к нему и сверху, метров с трех, ударил его чем-то вроде длинного языка, и он сразу умер. Тогда я запер жену со вторым ребенком в доме, сказал им, пусть сидят и не выходят, а сам вскочил на мотоцикл – и сюда! Они за мной гнались, проклятые твари, да не догнали. Прошу вас, поедemте со мной, я боюсь, что они ворвутся в дом!

По описанию крестьянина мы тотчас узнали странных обитателей болот, но нас удивило, что они могут летать. Так или иначе, угроза была серьезной. Мы с Мишелем захватили два автомата и сели в закрытую машину; Вандаль, ничего не спрашивая, устроился на заднем сиденье, Бевен с целым взводом своих гвардейцев влез на грузовик с крытым верхом, и мы отправились.

Через два километра нам встретилась первая гидра, – так Мишель окрестил этих тварей, и это название за ними осталось. Гидра порхала над лугом, гоняясь за овцами. Мы сбили ее из ружья и остановились, несмотря на мольбы крестьянина поторопиться.

– Нужно узнать своего врага, прежде чем с ним сражаться, – объяснил Вандаль.

Животное походило на огромный вытянутый бурдюк длиной метра четыре с могучим плоским хвостом. Спереди болталось шесть полых шупалец с роговыми когтями на концах, из-под которых выделялась слизь. У основания каждого шупальца было по глазу. В середине, в кругу, образованном шу-

пальцами, выступал конический бугор, из которого торчала длинная трубка; ее роговой конец был срезан наискосок, как у иглы шприца.

– Жало наверняка ядовитое, – сказал Вандаль. – Советую стрелять, не выходя из грузовика: брезент – толстый, возможно, и защитит вас. Такую же тварь мы видели и тогда, на болоте, только эта гораздо крупнее и способна летать. Вот только за счет чего они это делают?

Вдоль всей верхней части туловища у гидры висели какие-то два мешка, пробитые пулями. Позади щупалец, куда попал основной заряд, в зеленом мясе зияла дыра, в которую можно было просунуть кулак.

Мы двинулись дальше. Мишель вел машину. Приспустив со своей стороны стекло, я высунул наружу ствол автомата; второй автомат взял Вандаль, который стал охранять левую сторону. Грузовик шел за нами.

За поворотом между деревьями мы увидели еще одну гидру. Она неподвижно парила в воздухе метрах в трех от земли, свободно свесив чуть шевелившиеся щупальца. От неожиданности первой очередью я промазал. Гидра ударила хвостом и зигзагами начала набирать высоту с огромной скоростью – километров шестьдесят в час! Сбить ее так и не удалось. Еще через полкилометра показалась ферма; мирный дымок струйками поднимался над ее трубой. Мы проехали мимо, свернув на грунтовую дорогу, где колеса машины еле выбирались из глубоких колеи. За стеклом окна мелькнули

испуганные лица крестьянки и ее второго сына – мальчишки лет одиннадцати-двенадцати.

Мы пересекли поле и оказались на выгоне. Здесь копошились на трупах коров по крайней мере шестьдесят гидр; у каждой одно-два щупальца были погружены в тело жертвы.

– Тут только что были и другие, – прокричал нам фермер, – так что будьте осторожны!

Пока не прозвучал первый выстрел, гидры не обращали на нас внимания. Некоторые, отяжелев, отваливались от трупов коров и отправлялись к воде – по-видимому, пить. Во всяком случае, в тот момент мы разглядели только, как гидры, подлетев к большой луже, погружали в нее особое, более толстое щупальце и жадно сосали воду. После этого они заметно раздувались, но летать им, как ни странно, становилось явно легче.

Каждый выбрал по цели. Я тщательно прицелился в ближайшую группу, состоящую из шести тварей, присосавшихся к одной и той же корове.

– Огонь! – скомандовал Бевен.

Протрещал залп, словно лопнуло, раздираясь, шелковое полотнище. Пустые гильзы из моего автомата зазвенели о боковое стекло; одна из них отскочила за шиворот Мишелю, и он коротко выругался, почувствовав под рубашкой горячий металл. Гидры заметались. Многие сразу рухнули на землю, как продырявленные мешки, – я косил их в упор. Вандаль, более удачливый или более меткий, чем я, ухитрился

снять сразу двух одной очередью. Картечь охотничьих ружей рвала гидр на куски.

Те, что не были сразу задеты, с удивительной скоростью ринулись вверх и через несколько секунд повисли высоко над нами зеленым облачком. Перезарядив автоматы, мы вылезли из машины. Остальные на грузовике были настороже, чтобы в случае чего прикрыть нас огнем. Шкуры мертвых коров были сплошь продырявлены; роговые зубцы на концах щупалец гидр оставили рваные круглые отверстия. Все мясо под шкурами превратилось в какую-то черноватую грязь.

– Пищеварение внешнее, – пояснил Вандаль, – как у личинки жука-плавунца. Гидра убивает своим ядовитым жалом, потом через щупальца впрыскивает в тело жертвы желудочные соки, которые превращает плоть в питательную слизь, и затем уже высасывает эту массу.

Чтобы рассмотреть чудовище получше, он нагнулся, присел на корточки, но задел при этом рукой зеленую кожу и вскрикнул от боли.

– Осторожно! Не прикасайтесь. Она обжигает.

Его левая рука покрылась беловатой сыпью.

– Будто какая-нибудь медуза! Вы ведь знаете, какие ожоги они вызывают? Здесь результат тот же, пусть способ и другой. При малейшем прикосновении уколет так, что мало не покажется.

Рука его быстро раздулась и два дня отзывалась острой болью, но затем все прошло.

Тем временем зеленое облако по-прежнему висело над нашими головами, и мы не знали, что делать. Уйти? А вдруг гидры после нашего отъезда снова нападут на ферму! Остаться? Но что, если Оннегер без нас захватит деревню? Гидры сами вывели нас из нерешительности.

– В укрытие! – закричал вдруг наблюдавший за ними Мишель.

Мы бросились к машине; первым в нее вскочил Вандаль, за ним мы с Мишелем. Я уже захлопывал за собой дверцу, когда одна гидра спикировала на машину и разбилась о крышу, которая, к счастью, выдержала удар. Остальные чудовища с огромной скоростью закружились над грузовиком в фантастической карусели. Торопливо подняв стекло, я смотрел на них, готовый в любую секунду открыть огонь.

Из грузовика началась беспорядочная стрельба. Наши гвардейцы не жалели пороха! Раненые гидры, корчась, шлепались на землю, остальные продолжали носиться в бешеном круговороте. Внезапно, словно по команде, они ринулись в атаку, вытянув ядовитые жала. Раздался вопль, – очевидно, одна из гидр пробила брезент своим отравленным оружием и уколола кого-то в кузове. Грузовик сразу тронулся с места.

Теперь мы тоже открыли огонь и на сей раз стреляли весьма удачно. Гидры облепили грузовик, мы боялись ранить товарищей, но, поскольку на нас никто не нападал, мы целились не торопясь и били на выбор, как в тире. За несколько минут нам удалось уничтожить еще тридцать чудовищ, а

всего – более семидесяти. На этот раз урок не прошел даром: гидры взмыли ввысь и наконец улетели.

Одна мертвая, но не продырявленная гидра осталась висеть метрах в двух над грузовиком. Мы ловко накинули на нее петлю и отбуксировали по воздуху в деревню, как вражеский воздушный шар. Крестьянина с семьей и наполовину переваренный труп его сына тоже увезли с собой. На поле остались тела двенадцати коров и гидр, лишь одну по просьбе Вандаля обвязали веревками и осторожно втащили на грузовик, чтобы потом на досуге произвести подробное вскрытие.

Кстати, выяснилось, что наше беспокойство было напрасным: в грузовике никто не пострадал, просто один из гвардейцев вскрикнул от страха. Несмотря на это, мы теперь знали, сколь грозную опасность представляет для нас мир неведомых чудовищ Теллуса.

В деревню мы вернулись победителями. Гвардейцы пели. Рабочие распевали боевые революционные песни, а мы с Мишелем во всю мочь трубили марш из «Аиды», стараясь наделать побольше шума.

Новости, которыми встретил нас Луи, слегка охладили наш безудержный энтузиазм.

Глава 4. Сила против насилия

Двенадцать гвардейцев, проводивших разведку у замка,

были встречены очередью крупнокалиберного – двадцатимиллиметрового – пулемета. В доказательство они принесли неразорвавшуюся пулю.

– Вот вам и факт, – сказал Луи. – Вооружены эти мерзавцы гораздо лучше, чем мы. Против вот этого, – он подбросил на ладони разрывную пулю, – у нас только ружья для охоты на кроликов да сарбаканы... Единственное наше серьезное оружие – винчестер папаши Борю.

– И два автомата, – добавил я.

– Пригодные для боя на расстоянии не более чем в тридцать метров! Да и потом, много ли к ним патронов? А сражаться все равно придется: так мы этого оставить не можем. По сути, Мишель, ваша сестра в обсерватории тоже не в безопасности.

– Негодяи! Если они посмеют...

– Посмеют, старина, посмеют! У нас – человек пятьдесят, вооруженных абы как, тогда как у них порядка шестидесяти и прекрасное оружие. А тут еще эти мерзкие зеленые осьминоги, черт бы их побрал! Ах! Был бы здесь Констан...

– А это еще кто?

– Инженер, специалист по ракетам. А, ну да, ты же не в курсе! Помимо всего прочего, наш завод должен был выпускать боевые ракеты для самолетов. Мы их наделали целую кучу, но там только обычные металлические корпуса, зарядов к ним нет. В химической лаборатории, конечно же, осталось все то, что нужно для начинки, но персонала, способ-

ного этим заняться, у нас нет.

Я схватил его за руки и завертел в неистовом круговороте:

– Луи, старина, мы спасены! Тебе ведь известно, что мой дядя – майор артиллерии в запасе?

– Ну да, но что из этого? Орудий-то у нас все равно нет!

– Дело все в том, что в последние годы он служил в ракетных противовоздушных частях! В ракетах он сечет как никто другой! Если у вас там действительно сохранились необходимые химические вещества, все в порядке! Дядя и Бевен со всем справятся. Если понадобится, зарядим ракеты черным порохом, – этого будет вполне достаточно!

– Прекрасно, но ведь это займет дней десять-пятнадцать. А тем временем...

– Да-да, тем временем нужно чем-нибудь занять этих парней, что засели в замке. Постой-ка!

Я рванул в госпиталь, где в компании Бреффора все еще отлеживался мой брат.

– Послушай, Поль, ты смог бы построить римскую катапульту?

– Ну да, без проблем. Но зачем?

– Для обстрела замка. Далеко она бьет?

– О! Все зависит от веса посылаемого снаряда. От тридцати до ста метров – влегкую.

– Отлично! Набросай-ка чертеж.

Вернувшись к Луи и Мишелю, я изложил им свой план.

– Неплохо, – заметил Луи. – Но сто метров – это сто мет-

ров, а двадцатимиллиметровый пулемет бьет гораздо дальше!

– Возле замка, если память меня не подводит, есть ложбина, к которой можно подъехать по скрытой за холмами местности дороге. Там, в этой ложбине, мы и установим катапульти.

– Если я правильно тебя понял, – сказал Мишель, – ты хочешь метать в них самодельные бомбы, начиненные железным ломом. Но где ты возьмешь взрывчатку?

– В карьере есть килограммов триста динамита. Его завезли перед самой катастрофой.

– С этим замок не захватишь, – покачал головой Мишель.

– А нам это и не нужно! Главное – выиграть время, заставить их поверить в то, что мы расходует боеприпасы на бесполезный обстрел! А тем временем подоспеют и ракеты.

И я рассказал Мишелю о том, что узнал от Луи.

По приказу совета Бевен направил патрули – прощупать оборонительные порядки врага. Одновременно эти патрули должны были сообщать и о появлении гидр; мы снабдили их небольшим передатчиком, который собрал на досуге Этранж. После этого мы приступили к сооружению катапульти: сколотили раму, выточили ложку, на которую пришлось пожертвовать молоденький ясень, и опробовали это допотопное орудие, метнув несколько каменных глыб. Дальность боя оказалась вполне удовлетворительной.

Вскоре наша небольшая армия во главе с Бевеном высту-

пила в поход на замок: впереди, на трех грузовиках, ехали гвардейцы, следом три трактора тащили катапульты. Первая неделя прошла в незначительных стычках. На заводе тем временем кипела лихорадочная работа. На девятый день я отправился на фронт вместе с Мишелем.

– Ну что, – спросил Бевен, – готово?

– Первые ракеты придут сегодня или завтра, – ответил я.

– Уф! Признаюсь, я сильно волновался. Если бы они вздумали предпринять вылазку...

Мы направились к аванпостам.

– Не высовывайтесь, – предупредил нас папаша Борю, который, на правах бывшего аджудана и ветерана войны 1939–1945 годов, теперь командовал авангардом. – За гребнем все простреливается пулеметами. Насколько мне известно, их там четыре: два двадцатимиллиметровых и еще два, вероятнее всего, калибра семь с половиной миллиметров. Есть и автоматы.

– Можно их накрыть катапультами?

– Пока еще не пробовали, – ответил Бевен. – Мы тщательно старались не обнаруживать дальность боя наших орудий.

– Что с другой стороны замка?

– Они укрепили все вокруг стволами деревьев. Плюс держат дорогу под обстрелом, так что катапульты не подтащишь.

– Подождем.

Ползком мы добрались до гребня. Его обстреливал тяжелый пулемет.

– Этот можно попытаться подавить, – заметил Мишель.

– Возможно. Вот только пока не подвезут ракеты, атаковать не будем. Думаю, они будут тут уже к следующей голубой заре.

В указанный час из деревни прибыл грузовик, в котором сидели мой дядя, Бреффор и Этранж. Они выгрузили несколько ящиков.

– Гранаты, – пояснил Этранж.

Они представляли собой обрезки чугунных труб, снабженных детонаторами.

– А здесь ракеты, – сказал дядя. – Мы их уже испытали. Дальность – три с половиной километра, точность – вполне достаточная. В головках – с килограмм чугунных обломков и тринитротолуол, ровно столько, сколько и нужно. Сейчас подойдет еще один грузовик с направляющими подставками и остальными ящиками. Всего у нас пятьдесят ракет этой модели, но на заводе уже готовят другие, более мощные.

– Хе-хе! – просиял Бевен. – Наша артиллерия пополняется!

Едва он произнес эти слова, как в лощину скатился один из наших людей.

– Они машут белым флагом! – сказал он.

– Сдаются? – недоверчиво пробормотал я.

– Нет, хотят выслать парламентаря.

– Ответьте: «Пусть присылают», – приказал Бевен.

На стороне противника поднялся человек и двинулся к нам, размахивая носовым платком. Папаша Борю встретил его на полпути на нейтральной территории и привел к нам. Это оказался Шарль Оннегер собственной персоной.

– Чего вы хотите? – спросил Бевен.

– Поговорить с вашими командирами.

– Здесь их аж четыре.

– Во избежание бесполезного кровопролития предлагаем следующее: вы распускаете ваш совет, складываете оружие и передаете власть нам. Тогда вам ничего не будет.

– Ну да, вы просто превратите нас в рабов, – сказал я. – Вот наши контрпредложения: вы возвращаете похищенных девушек и сдаетесь. Ваших людей мы берем под наблюдение, а вас и вашего отца сажаем до суда в тюрьму.

– Наглости, я вижу, вам не занимать! Что ж, продолжайте и дальше – с вашими-то охотничьими пугачами.

– Предупреждаю, – вмешался Мишель, – если мы победим, но с нашей стороны погибнет хоть один человек, вы будете повешены!

– Постараюсь запомнить!

– Раз вы не желаете сдаться, – продолжал я, – предлагаю вам вот что. Поместите похищенных девушек, а также вашу сестру и мадемуазель Дюше в безопасное место, хотя бы вон на тот горный пик.

– Ну уж дудки! Ни Мад, ни моя сестра ничего не боятся, а

на остальных мне наплевать. Если убьют этих, после победы найдутся другие – например, ваша сестричка...

В ту же секунду негодяй повалился на землю с разбитой физиономией – Мишель оказался более быстрым, чем я. Бледный от ярости, Шарль Оннегер поднялся на ноги.

– Вы ударили парламентаря, – прошипел он.

– Вы – не парламентар, а гнусный мерзавец. Мотайте отсюда, да поскорее!

И его выпроводили под усиленным конвоем. Не успел Оннегер скрыться за гребнем, как прибыл второй грузовик, и мы быстро установили подставки для запуска ракет.

– Через десять минут открываем огонь, – сказал Бевен. – Жаль только, что у нас нет наблюдательного пункта!

– Как насчет вон того пригорка? – спросил я, показывая на крутую, метров в пятьдесят высотой, возвышенность, поднимавшуюся в сотне шагов позади нас.

– Он весь простреливается.

– Да, но оттуда должен быть виден даже сам замок! Зрение у меня превосходное, поднимусь на него с этим вот телефоном. Провода должно хватить.

– Я с тобой, – сказал Мишель.

Мы полезли вверх, на ходу разматывая телефонный провод, но не успели добраться и до середины склона, как слышались резкие щелчки и во все стороны полетели осколки камней: нас заметили. Прижимаясь к земле, мы обогнули вершину и начали пробираться дальше по противоположно-

му склону.

Сверху вражеские линии просматривались лучше некуда. От выдвинутого вперед небольшого дота с тяжелым пулеметом к тылам тянулась глубокая траншея. По флангам были разбросаны гнезда автоматчиков. То тут, то там в одиночных окопах шевелились люди.

– По словам портного, их должно быть человек пятьдесят-шестьдесят, но, судя по линиям укреплений, может оказаться и больше, – заметил Мишель.

Примерно в километре от нас по прямой, на склоне горы, виднелась поляна, посреди которой стоял замок. Рядом с ним сновали туда-сюда маленькие черные фигурки.

– Досадно, что Вандаль разбил свой бинокль!

– Увы! Теперь у нас остались одни лишь телескопы. Аппараты, конечно, мощные, но ведь их с места не сдвинешь!

– Почему бы нам не снять с телескопа маленький видеоискатель?

– Время на это у тебя еще будет. Я сильно удивлюсь, если мы возьмем замок уже сегодня.

– Алло! Алло! – загундосил телефон. – Через минуту открываем огонь по замку. Наблюдайте!

Я бросил взгляд на наш лагерь. Половина гвардейцев, развернувшись цепью, залегла под самым гребнем лощины. Остальные суетились вокруг катапульт. Этранж и мой дядя тщательно отлаживали направляющие подставки ракет. Грузовики уже уехали.

Ровно в половине девятого шесть огненных струй вырвались из наших укреплений и взмыли высоко в небо, оставляя за собой дымные хвосты. Потом след оборвался: ракеты израсходовали горючее. На лужайке перед замком сверкнули шесть вспышек, тут же превратившихся в шесть небольших облачков дыма. Через несколько секунд до нас донеслись сухие разрывы.

– Недолет тридцать метров, – сообщил я в трубку.

Снова взлетело шесть ракет. На сей раз они упали точно: одна взорвалась прямо на крыльце, и находившиеся на нем маленькие фигурки попадали; потом три поднялись и потащили четвертую внутрь. Еще одна из ракет угодила в окно замка. Остальные взорвались от ударов о стены, которые, похоже, не особо пострадали.

– Попали! – прокричал я.

Одна за другой взмыли вверх еще восемнадцать ракет. Первая же из выпущенных попала в машину Оннегера, стоящую справа от дома, и та загорелась.

– Отставить ракеты, – послышался в телефоне голос Бевена. – Корректируйте катапульты.

Три первых снаряда взлетели в воздух, но совсем чуть-чуть разминулись с фортом.

– Небольшой перелет, – сообщил Мишель.

Я стащил его вниз. Будучи не в силах поразить наших людей, укрывшихся в лощине, враг начал поливать из одного тяжелого и нескольких ручных пулеметов нас. Некото-

рое время мы не осмеливались даже пошевелиться: рой пуль с жужжанием проносился над нашими головами, заставляя прижиматься к камням. Пули, выпущенные из двадцатимиллиметрового пулемета, ложились совсем рядом, чуть ниже по склону.

– Хорошо еще, что у них нет снарядов дистанционного действия!

– Нужно будет укрепить этот наблюдательный пункт. А пока давай спустимся ниже.

Тяжелый пулемет смолк, ручные пулеметы тоже прекратили огонь.

– Открываем беглый огонь по территории противника! – сообщил телефон. – Наблюдайте!

Ракеты разрывались где попало на открытой местности или исчезали в пихтовой роще, не причиняя заметного ущерба, если не считать загоревшейся копны соломы. Неприятель снова открыл огонь, но теперь уже по гребню лощины. Один из наших людей, раненный, скатился вниз.

Подъехал еще один грузовик – с ракетами уже более крупного калибра. Из кабины выскочил Массакр.

– Катапульти, внимание... залп!

На этот раз все бомбы взорвались прямо на вражеском до-те. Оттуда слышались крики боли, стоны, однако пулемет продолжал стрекотать.

– Вот тебе и пример явного превосходства навесного огня в позиционной войне, – заметил Мишель. – Рано или поздно

мы уничтожим их халупу, а они нам ничего сделать не могут.

– Странно, что они даже не попытались захватить гребень лощины.

– Таковую атаку легко отбить... Ну вот, что я тебе говорил! Внимание! – крикнул Мишель в телефон. – Слева ползут шестеро!

Четверо гвардейцев переместились на левый фланг. Неприятель поливал гребень лощины из автоматов с такой яростью, что удерживаться там стало для нас невозможно, и папаша Борю со своими людьми отступил. Из вражеских окопов выскочило человек тридцать. Они бежали, ложились, снова вскакивали.

– Атака по фронту!

Слева уже вспыхнула перестрелка. Бевен подпустил противника метров на пятнадцать к лощине, а затем отдал приказ гранатометчикам. Обрезки чугунных труб, начиненные взрывчаткой, отлично справились с отведенной им ролью, уложив зараз одиннадцать человек: кого-то убило, кого-то ранило. Прежде чем враг отошел, папаша Борю снял еще двоих из своего винчестера. На левом фланге у нас был один убитый и двое раненых, тогда как со стороны противника погибли трое и один был ранен. Этого мы захватили в плен, но у него вся правая рука была буквально разворочена картечью, и он истек кровью, прежде чем Массакр успел наложить ему жгут.

Катапульти не успокаивались еще с четверть часа. Двена-

дцатый залп оказался особенно удачным: одна из бомб угодила в дот, и тяжелый пулемет умолк, теперь уже окончательно. Три гнезда пулеметчиков также были подавлены, а четвертый ручной пулемет замолчал сам по себе: судя по всему, заело затвор. Наши люди пошли в атаку и ценой двух человек ранеными ворвались во вражеские окопы и захватили трех пленных. Остальным удалось убежать.

Пока разведчики осторожно продвигались вперед, мы обстреливали замок. Примерно с десятков ракет достигло цели.

Я с любопытством следил за траекторией первых шести ракет крупного калибра. На этот раз стены не выдержали, и целое крыло дома обрушилось.

Быстрый допрос пленных позволил установить численность сил противника. Они потеряли семнадцать человек убитыми и двадцать ранеными, но в замке оставалось еще около пятидесяти защитников. После первой победы мы захватили два ручных пулемета, неповрежденный двадцатимиллиметровый пулемет и большое количество боеприпасов. Наша небольшая армия тотчас же стала представлять собой серьезную силу. В ожидании разведчиков мы продолжали обстрел, и вскоре в замке вспыхнул пожар.

Наконец вернулись разведчики. Вторая линия вражеской обороны в двухстах метрах от замка состояла из окопов с тремя пулеметными гнездами и небольшим количеством автоматических ружей. Закончив с рапортом, папаша Борю добавил:

– Вот только непонятно, что они собирались делать со всем этим оружием? Не могли же они знать наперед, что с ними случится! Надо сообщить о них в полицию.

– Так ведь мы теперь и есть полиция, старина!

– А ведь и правда! Ну это все упрощает!

Бевен вместе с нами поднялся на вершину холма, тщательно осмотрел местность и попросил Мишеля, превосходно рисовавшего на досуге, наскоро набросать план окрестностей.

– Вы останетесь здесь с двумя бойцами и артиллерией. Я заберу с собой остальных, а также катапульты и пулемет. У меня тут три сигнальные ракеты, как увидите их – сразу же прекращайте огонь. Вражеские рубежи тянутся вон по тому невысокому валу, внизу поляны. Стреляйте поточнее!

– Массакра вы тоже берете?

– Нет, он останется здесь. Он – единственный хирург на этой планете!

– Хорошо. Но не забывайте, что вы – инженер!

Волоча за собой пулемет и катапульты, их отряд двинулся к замку.

Я отдал артиллерии приказ открыть огонь по окопам. Обстрел продолжался сорок пять минут, по две ракеты в минуту – приходилось экономить боеприпасы, так как у нас было всего двести десять ракет, а завод и так творил чудеса. За неимением бинокля, нам не удавалось точно определить из наблюдательного пункта, какой урон мы нанесли врагу.

В общем и целом мы лишь старались сосредоточить огонь в центре или по самым краям окопов, там, где разведчики засекли пулеметные гнезда. Мы дали уже тридцать пять залпов, когда наконец заговорил *наш* пулемет. Сорок пятый угодил прямо на вал. Спустя пару мгновений я увидел дымный хвост сигнальной ракеты.

– Прекратить огонь! – прокричал я.

По ту сторону замка вспыхнула перестрелка. Наши атаковали и с фронта, и с тыла. Я с облегчением отметил, что вражеские пулеметы молчат. Яростное сражение продолжалось минут двадцать. То и дело слышались разрывы гранат; глухо рвались бомбы катапульт. Потом вдруг все стихло. Мы обменялись обеспокоенными взглядами, спрашивая себя, успешно ли прошла атака, много ли жертв с нашей стороны.

Наконец из лесу, размахивая листком бумаги, показался один из гвардейцев. Буквально скатившись по склону, он подбежал к нам.

– Все в порядке, – проговорил он, с трудом переводя дыхание, и протянул донесение.

Мишель лихорадочно развернул листок и прочел вслух: «Окопы захвачены. Пятеро убитых, двенадцать раненых. Противник понес большие потери. Человек двадцать забаррикадировались в замке. Возьмите грузовик, подвезите реактивные минометы и доктора. Остановитесь у домика егерей. Будьте осторожны, в лесу еще могут скрываться вражеские элементы».

Мы нашли Бевена в охотничьей сторожке.

– Схватка была горячей, но закончилась быстро. Ваши ракеты, – сказал он дяде, – дали превосходный результат! Без них... и без ваших катапульти... – добавил он, поворачиваясь ко мне, – даже не знаю, что бы мы делали.

– Кого именно из наших убили?

– Трех рабочих: Салавена, Фрё и Робера. И двоих крестьян – их имен я не знаю. Тут, в соседней комнате, трое тяжелораненых.

Массакр тотчас же направился к ним.

– Легкораненых – девять, – продолжал Бевен, – и я один из них. – Он указал на свою забинтованную левую руку. – Ерунда: у основания большого пальца засел осколок.

– А с их стороны?

– Много убитых и раненых. Три последних залпа угодили прямо в окопы. Пойдемте посмотрим.

То была действительно чистая работа. Даже настоящая артиллерия вряд ли смогла бы сработать чище. Едва мы высунулись из окопа, как просвистевшая над нашими головами автоматная очередь напомнила нам об осторожности.

– Им удалось унести легкий пулемет и одно автоматическое ружье, – сказал Бевен, – так что, месье Бурна, вам придется показать парочке наших парней, как управлять этими вашими подставками для ракет.

– Зачем? Я займусь этим сам!

– Я не позволю вам рисковать!

– Во-первых, в сорок третьем я прошел всю итальянскую кампанию, а эти бандиты не страшнее гитлеровских фрицев. Во-вторых, астрономов тут и без меня хватает! А в-третьих, я майор запаса, а вы всего лишь лейтенант, так что вы можете идти, больше вас не задерживаю! – закончил он шуткой.

– Хорошо. Но будьте осторожны.

Мы установили ракетные подставки в окопах, метрах в двухстах от замка. Величественное здание сильно пострадало: все правое крыло сгорело, окна и двери были забаррикадированы. На поляне виднелась куча рваного почерневшего железа – все, что осталось от роскошного авто Оннегера.

– Вы не знаете, что стало с нашими девушками? – спросил Мишель.

– Один из пленных заверил нас, что еще в самом начале наступления их заперли в глубоком сводчатом подвале. Похоже, мадемуазель Оннегер не разделяет идей своих родственников. По всей видимости, она тоже там – за то, что хотела предупредить нас о замыслах своего папаши и братца. Цельтесь в дверь и окна, – закончил Бевен, обращаясь к моему дяде.

Приветствуемые новой очередью всякий раз, как кто-нибудь из нас поднимал голову, мы навели направляющие подставки. Дядя включил электрический контакт. Коротко взвыли ракеты, и последовал оглушительный взрыв.

– Попал!

После второго залпа ракеты исчезли в разбитых окнах и

разорвались внутри. Пулемет противника замолчал. Мы дали еще три залпа. Из-за наших спин гвардейцы поливали пулеметным огнем зияющие окна замка. Из слухового окошка под крышей высунулась чья-то рука и замахала белой тряпкой.

– Сдаются!

Внутри замка послышалось еще несколько выстрелов. По-видимому, сторонники сдачи утихомиривали тех, кто желал сражаться до конца. Белое полотнище исчезло, потом появилось снова. Перестрелка смолкла. Опасаясь подвоха, мы не вылезали из окопов, но огонь тоже прекратили. Наконец в проеме выбитой двери возник человек с развернутым носовым платком.

– Подойдите ближе! – скомандовал Бевен.

Человек повиновался. Это был совсем молоденький блондин с приятным, но измученным лицом и запавшими глазами.

– Вы сохраните нам жизнь, если мы сдадимся?

– Вас будут судить. Но если вы не сдадитесь, не пройдет часа, как все вы погибнете. Выдайте нам Оннегеров и выходите на поляну с поднятыми руками.

– Шарль Оннегер мертв. Его отца пришлось вырубить, но он жив. Он стрелял в нас, когда мы выбросили белый флаг.

– Где девушки?

– Они в подвале вместе с Идой – пардон, с мадемуазель Оннегер – и Мадлен Дюше.

– С ними все в порядке?

Парень пожал плечами.

– Понятно... Что ж, выходите.

Часть третья. Завоевание

Глава 1. Суд

Двенадцать выживших безропотно выстроились на поляне – руки за головой, оружие брошено на землю. Двое последних вынесли все еще пребывавшего в бессознательном состоянии Оннегера, и его тотчас же взяли под строгую охрану. Мы с Мишелем, держа автоматы в руках, прошли в замок вслед за одним из пленных.

Внутри царил полный разгром. На стенах гостиной висели, вкривь и вкось, изрешеченные пулями полотна известных мастеров. Два пустых пенных огнетушителя свидетельствовали о том, что здесь был потушен уже начавший разгораться пожар. В вестибюле, пол и стены которого были усеяны осколками, мы обнаружили обезображенный труп Шарля Оннегера.

По каменной винтовой лестнице мы спустились в подвал, железная дверь которого сотрясалась от ударов – кто-то стучал изнутри. Едва мы отодвинули засов, как в коридор выскочила Ида Оннегер.

Мишель схватил ее за запястье:

– Куда это вы?

– Где мой отец? Брат?..

– Ваш брат мертв. Отец... пока еще жив.

– Но вы же его не убьете?

– Мадемуазель, – сказал я, – из-за него погибли около десяти наших людей, не говоря уже о ваших.

– О! Это так ужасно! Зачем, зачем они это сделали? – про-
бормотала она, заливаясь слезами.

– Для нас это все еще пока загадка, – ответил Мишель. –
Где девушки, которых они похитили? И мадемуазель... ну,
эта, как там ее... кинозвезда!

– Мад Дюше? Там, в погребке. Остальные заперты в дру-
гом, том, что слева, полагаю.

Мы спустились в тускло освещаемое керосиновой лампой
подземелье. Мадлен Дюше, очень бледная, сидела в углу.

– Непохоже, что совесть у нее чиста, – сказал Мишель и
грубо добавил: – Поднимайтесь – и на выход!

Затем мы освободили трех деревенских девушек. Подняв-
шись на первый этаж, я обнаружил там Луи, прибывшего
вместе с остальными членами совета.

– Старик Оннегер пришел в себя. Пойдем, мы собираемся
его допросить.

Оннегер сидел на поляне, рядом с дочерью. Увидев нас,
он поднялся:

– Я вас недооценил, господа. Мне следовало самому по-
думать о том, чтобы привлечь на нашу сторону инженеров.
Тогда бы мы наверняка завладели этой планетой!

– Но для чего? – спросил я.

– Как – для чего? Неужели вам не понятно, что в этом заключался единственный наш шанс на контроль над человеческой эволюцией? За несколько поколений мы могли бы создать расу сверхлюдей!

– Это из вашего-то человеческого материала? – саркастически спросил я.

– У моего человеческого материала хватало положительных качеств, таких как мужество, настойчивость, пренебрежение жизнью. Вас в своих планах я тоже учитывал. Моя ошибка заключалась в одном: я полагал, что смогу захватить власть *без* вас. Нужно было сделать это *вместе* с вами. – Он наклонился к плачущей дочери. – Не будьте к ней жестоки. Она ничего не знала о моих планах и даже потом пыталась нам помешать. А теперь прощайте, господа.

Быстрым движением он поднес что-то к своему рту.

– Цианид, – пробормотал он и рухнул на землю.

– Что ж, одним подсудимым меньше, – сказал Мишель вместо надгробного слова.

Наши люди уже грузили на машины трофеи: четыре пулемета, шесть автоматических ружей, сто пятьдесят обычных ружей и автоматов, пятьдесят револьверов и большое количество боеприпасов. Замок представлял собой настоящий арсенал, но самой ценной из всех находок оказался небольшой печатный станок, совершенно новый.

– Интересно, что они собирались делать со всей этой техникой на Земле.

– По словам одного из пленных, Оннегер возглавлял некую фашистскую лигу, – сказал Луи.

– Впрочем, для нас это даже к лучшему. Теперь есть чем сразиться с гидрами!

– Кстати, их больше пока не видели. Вандаль и Бреффор как раз заканчивают препарировать маленькую, которую поместили в бочку со спиртом. Этот парень, Бреффор, просто незаменим! Он уже научил молодежь лепить глиняную посуду на манер южноамериканских индейцев.

Когда мы вернулись в деревню, было ровно четыре часа пополудни. Сражение продлилось менее суток! Добравшись до дому, я тут же уснул, совершенно обессиленный. Мне снилась моя старая бордоская лаборатория, лицо моего «патрона», желавшего мне приятного отпуска («Уверен, там, куда вы направляетесь, для вас найдется немало того, что стоило бы изучить...»). О! Какая ирония! Действительно «немало» – целая планета!.. Потом я увидел широкоплечую фигуру моего кузена Бернара в дверном проеме, гору, срезанную на сотни метров подо мной...

Около шести вечера меня разбудил брат, и я отправился к Вандалью. Он был в одном из кабинетов школы: на столе перед ним, распространяя удушливый запах спирта, лежала наполовину препарированная гидра. То на классной доске, то на листках бумаги Вандаль делал какие-то зарисовки. Бреффор и Массакр помогали ему.

– А! Это ты, Жан, – бросил мне Вандаль. – Я бы отдал де-

сять лет жизни, чтобы иметь возможность продемонстрировать этот образчик в нашей Академии! Поразительное строение!

Он подвел меня к своим схемам.

– Я только начал изучать анатомию этих животных, но уже узнал много интересного. Судя по целому ряду признаков, они относятся к самым низшим организмам. В них есть что-то от наших кишечнополостных – как минимум те многочисленные нематоциты, вызывающие ожог кожи клетки, что содержатся в их оболочке. Система кровообращения очень проста: сердце с двумя желудочками, голубоватая кровь. Всего одна разветвленная артерия, а дальше кровь идет по лимфатическим путям и возвращается к сердцу по одной толстой собирающей вене. Очень большую роль играют подкожные полости; у гидр даже после смерти плотность тела остается крайне незначительной. Пищеварение внешнее; желудочный сок впрыскивается в добычу, а затем питательная масса всасывается в желудок-глотку. Кишечник предельно простой. Но вот что удивительно! Во-первых, нервные центры: у гидр они необычайно сложны и развиты; у основания щупалец в хитиновой оболочке расположен настоящий мозг, под ним находится любопытный орган, напоминающий электрический аппарат ската. Этот орган и сами щупальца снабжены богато разветвленными нервами. Глаза столь же совершенны, как у наших млекопитающих. Если выяснится, что эти животные в какой-то степени разумны, я

ничуть этому не удивлюсь. И вторая интересная вещь – водородные мешки. В этих огромных перепончатых мешках, занимающих всю верхнюю часть гидры, четыре пятых объема занимает водород, и вырабатывается этот водород в результате разложения воды при низкой температуре. По пористому каналу в специальном щупальце вода поступает в особый орган, где происходит ее химический распад. Полагаю, кислород переходит в кровь, так как этот орган сплошь опутан артериальными капиллярами. Ах! Если бы нам только удалось разгадать секрет этого катализа воды! Когда водородные мешки наполнены, удельный вес гидры меньше веса воздуха, и она свободно плавает в атмосфере. Мощный плоский хвост служит ей плавником, но главным образом – рулем. Передвигается она в основном за счет сокращения особых полостей, выбрасывающих воздух, смешанный с водой. Эта смесь с огромной силой вылетает назад через настоящие дюзы. Я возбудил током мускулы одной полости, поместив в нее железное кольцо. Посмотри, что с ним стало! – Он протянул мне толстое кольцо, скрученное восьмеркой. – Сила этих мышечных волокон просто невероятна!

На следующее утро меня разбудил стук в дверь. То был посыльный от Луи, сообщивший, что вот-вот начнется суд над теми из пленных, которые не были ранены, и что как член совета я должен в нем участвовать.

Я вышел. Уже поднималось голубое солнце.

Суд собрался в большом сарае, превращенном в зал засе-

даний. Трибунал состоял из членов совета и наиболее влиятельных граждан, среди которых были Вандаль, Бреффор, мой брат Поль, Массакр, пятеро крестьян, Бевен, Этранж и шестеро рабочих. Мы – члены совета – расположились за столом, установленным на небольшом возвышении, другие расселись слева и справа от нас. Перед нами осталось свободное пространство для обвиняемых; дальше стояли скамьи для публики. Все выходы охраняли вооруженные автоматами люди. Прежде чем ввели обвиняемых, мой дядя, избранный председателем в силу его возраста и авторитета, поднялся на ноги и сказал:

– Еще никому из нас не доводилось судить себе подобных. Сегодня же нам пришлось стать членами чрезвычайного трибунала. У обвиняемых не будет адвокатов, так как мы просто-таки не можем терять время на бесконечные споры. Поэтому мы должны быть столь справедливыми и беспристрастными, сколь это вообще возможно. Двое главных преступников мертвы, и я вынужден вам напомнить: на этой планете, где так мало людей, нам дорог каждый. Но не будем забывать и о том, что по вине обвиняемых погибли двенадцать наших парней, а три наши девушки долгое время подвергались грубому и постыдному обращению. Введите обвиняемых.

– Где Менар? – шепнул я ему.

– Работает с Маргиной над теорией катастрофы. Это очень интересно. Вернемся к этой теме позднее.

Один за другим, в сопровождении вооруженной охраны, вошли уцелевшие пленные – тридцать один человек. Иду Оннегер и Мадлен Дюше ввели последними. Мой дядя снова взял слово:

– Вы все обвиняетесь в убийствах, грабежах и вооруженных нападениях, а также в заговоре против безопасности государства. Есть среди вас кто-то главный?

Обвиняемые пару секунд колебались, потом вытолкнули вперед рыжеволосого великана.

– Когда хозяев не было, командовал я.

– Ваше имя, возраст, профессия?

– Жан Бирон, тридцать два года. Раньше был механиком.

– Вы признаете те факты, в которых вас обвиняют?

– Признаю я их или нет, не имеет значения. Вы все равно меня расстреляете!

– Необязательно. Вы могли заблуждаться. Да и потом, вы ведь были не один! Что заставило вас поступить таким образом?

– Что ж... После того переворота патрон толкнул речь, сказав, что деревню захватила – вы уж извините – всякая шваль, что мы теперь на другой планете и нужно спасать цивилизацию и что, если... – тут Бирон на мгновение запнулся... – все пройдет хорошо, мы будем жить, как сеньоры былых времен.

– Вы участвовали в нападении на деревню?

– Нет. Можете спросить у других. Все, кто участвовал,

мертвы. Это были люди сына хозяина. Сам патрон тогда жутко разозлился, буквально рвал и метал. Шарль Оннегер заявил, что взял заложников, а на самом деле он давно хотел эту девку. Патрон был против. Да и я тоже. Это Леврен его надоумил.

– Чего же добивался ваш хозяин?

– Я вам уже сказал. Он хотел быть властелином этой планеты. В замке у него была куча оружия – на Земле он занимался его контрабандой, – и потом, у него были мы. Вот он и рискнул. Что до нас, то нам просто некуда было деваться. Когда-то, в прошлом, мы все наделали немало глупостей. Патрон знал, что у вас почти нет оружия. Он не думал, что вы его изготовите так быстро!

– Хорошо. Уведите! Следующий!

Следующим оказался тот самый блондин, который выкинул белый флаг.

– Ваше имя, возраст, профессия?

– Анри Бельтер, двадцать три года. Учусь в политехе.

– А вы-то какого черта во все это ввязались?

– Я знал Шарля Оннегера. Как-то вечером я проиграл в покер все свое месячное содержание. Он выплатил мои долги, пригласил меня в замок и во время горной прогулки спас мне жизнь. А потом произошла катастрофа. Я не одобрял ни планов его отца, ни его собственного поведения. Но я не мог предать Шарля. Ему я обязан жизнью. Однако и в вас я не стрелял ни разу!

– Это мы еще проверим. Следующий. Ах да, еще один вопрос! Что вы изучали?

– Я занимался аэродинамикой.

– Как знать, может, когда-нибудь это и пригодится...

– Я вот еще что хотел сказать... Ида Оннегер... она сделала все, что могла, чтобы предупредить вас.

– Мы это знаем... и обязательно учтем.

Допрос продолжился. Здесь были представители практически всех профессий. В основной своей массе обвиняемые принадлежали к организации более или менее фашистского толка.

Не знаю, что в тот момент думали остальные, но я, по правде сказать, пребывал в замешательстве. Многие из этих людей, казалось, искренне раскаивались, а некоторые и вообще производили впечатление честных парней. Ясно было, что главных виновников уже нет в живых. Бельтер, столь преданный другу, вызывал у меня симпатию. Никто из обвиняемых не сказал о нем ничего плохого; наоборот, большинство подтверждало, что в сражении он не участвовал. Вошел двадцать девятый обвиняемый. Он заявил, что его зовут Жюль Леврен, что он журналист и что ему сорок семь лет. Это был невысокий тщедушный мужчина с костлявым лицом.

Луи сверился со своими бумагами:

– Согласно показаниям свидетелей, вы не принадлежите к подручным Оннегера. Вы были гостем, и некоторые даже

полагают, что вы и есть главный босс. Думаю, вы не станете отрицать, что стреляли по нам. Кроме того, свидетели жалуются на... скажем так, определенную жестокость с вашей стороны.

– Это ложь! Я никогда не видел этих людей. И я ни в чем не участвовал. Просто был там в гостях!

– Вот же наглец! Врет как сивый мерин! – не выдержал один из парней, стоявших на карауле у дверей. – Я собственными глазами видел его у центрального пулемета, того самого, из которого убили Салавена и Робера. Трижды я брал этого сукиного сына на мушку, да всякий раз упускал возможность его снять!

Многие из присутствовавших в зале гвардейцев, явившихся в качестве зрителей, поддержали сделавшего это заявление парня. Журналист пытался протестовать, но его выволокли наружу.

– Введите мадемуазель Дюше.

Несмотря на обилие косметики, Мад Дюше выглядела неважно. Она казалась испуганной и растерянной.

– Мадлен Дюше, двадцать восемь лет, актриса. Но я ничего не сделала!

– Вы ведь были любовницей папаши Оннегера, не так ли?

– Да обоих сразу! – выкрикнул кто-то из зрителей. Зал содрогнулся от хохота.

– Неправда! – выкрикнула мадемуазель Дюше. – О, это ужасно! Выслушивать такие оскорбления!

– Хорошо-хорошо. Тишина в зале! Это мы проверим.
Следующая.

– Ида Оннегер, девятнадцать лет, студентка.

Несмотря на заплаканные глаза, выглядела девушка куда лучше актрисы.

– И что вы изучали?

– Право.

– Боюсь, здесь вам это не очень пригодится. Мы знаем, вы сделали все возможное, чтобы предотвратить эту драму. Жаль, что вам это не удалось. Тем не менее вы старались облегчить страдания трех захваченных в плен девушек. Можете предоставить нам какую-либо информацию об остальных подсудимых?

– Большинство из них я вообще не знаю. Бирон не был плохим человеком, да и Анри Бельтер заслуживает вашего снисхождения. Он сказал мне, что не стрелял, и я ему верю. Правда, он дружил с моим братом... – Она подавила рыдания. – Мой отец, да и брат тоже в глубине души не были злодеями – вспыльчивые и тщеславные, вот и все. Когда я только родилась, мы были очень бедными. Богатство пришло внезапно и вскружило им голову. О! Во всем виноват этот человек, этот Леврен! Это он подсунул Ницше моему бедному отцу, и тот вообразил себя сверхчеловеком. Это он подсказал безумный план завоевания планеты! Он способен на все! О! Я его ненавижу!

Она разрыдалась.

– Садитесь, мадемуазель, – мягко проговорил мой дядя. – Мы посоветуемся, но опасаться вам нечего. Мы рассматриваем вас скорее как свидетеля, нежели как обвиняемую.

Члены совета, а также вошедшие вместе с ними в состав трибунала влиятельные граждане удалились за занавес. Обсуждение было долгим. Луи и крестьяне настаивали на самых суровых наказаниях. Мишель, мой дядя, кюре и я стояли за более мягкие, – людей и так не хватало, да и вообще было очевидно, что обвиняемые, мало что понимая в происходящем, просто-напросто последовали за своими главарями.

Наконец мы пришли к согласию. Обвиняемых ввели, и мой дядя зачитал им вердикт.

– Жюль Леврен. Вы признаны виновным в предумышленном убийстве, грабеже и насилии и приговорены к смертной казни через повешение. Приговор будет приведен в исполнение незамедлительно.

Бандит сохранил самообладание, разве что ужасно побледнел. По рядам подсудимых пробежал ропот.

– Анри Бельтер. Вы ничего не сделали во вред обществу и признаны невиновным. Но поскольку вы ничего не сделали и для того, чтобы предупредить нас...

– Я не мог...

– Тишина! Повторяю: поскольку вы ничего не сделали и для того, чтобы предупредить нас, вы лишаетесь избирательных прав и будете считаться гражданином низшего ранга до

тех пор, пока не искупите свою вину.

– Стало быть, я свободен?

– Да, так же, как все мы. Но если вы хотите остаться в деревне, вам придется работать.

– О! Лучшего я и не желаю!

– Ида Оннегер. Вы признаны невиновной, но на десять лет лишаетесь возможности быть избранной куда-либо. Мадлен Дюше. За вами не установлено никаких проступков, за исключением сомнительной нравственности и, скажем так, сентиментальной привязанности, – (в зале послышались смешки), – к главным преступникам... Тишина! Вы лишаетесь всех избирательных прав и получаете назначение на работу на кухне. Все остальные! Вы приговариваетесь к принудительным работам на срок не свыше пяти земных лет, который вы сможете сократить благодаря примерному поведению. Также вы пожизненно лишаетесь всех политических прав, но они будут возвращены тому, кто этого заслужит, совершив подвиг во имя общества.

По рядам осужденных, судя по всему опасавшихся гораздо более тяжкого наказания, волной прокатился радостный ропот.

– Да вы, оказывается, классные парни! – прокричал нам Бирон.

– Заседание окончено. Уведите осужденных!

Кюре подошел к пожелавшему исповедаться Леврену.

Зрители – одни довольные приговором, другие, напротив,

разъяренные – разошлись. Спустившись с помоста, я направился к Бельтеру. Юноша утешал Иду.

– Ну вот, – бросил я мимоходом дяде. – Теперь понятно, почему они так защищали друг друга!

Я подошел к молодым людям:

– Где собираетесь поселиться? Дюше придется жить при кухне, хочет она того или нет, с вами же все обстоит иначе. О том, чтобы вернуться в наполовину разрушенный замок, куда в любой момент могут прилететь гидры, не может быть и речи. Здесь у нас тоже полно разрушений и к тому же тесновато. Да и потом, вам нужно подыскать себе работу. Лениость и ничегонеделание теперь запрещены законом!

– А где он прописан, этот закон? – спросила Ида. – Мы хотим быть законопослушными гражданами, но для этого нам нужно его знать.

– Увы, мадемуазель, закон еще не составлен. У нас есть лишь набор разрозненных текстов, принятых на заседаниях совета. Кстати, вы же учились на юриста?

– Как раз оканчивала второй курс.

– Вот и для вас нашлось дело! Займетесь составлением нашего кодекса. Я поговорю об этом в совете. – Затем я обратился к Бельтеру: – Ну а вы... Вас я возьму к себе. Поможете мне в моей работе министра геологии. С вашей научной подготовкой вы быстро станете приличным изыскателем. Жалованье: питание в столовой и крыша над головой, все как у меня самого.

К нам присоединился Мишель.

– Если ты хотел ангажировать Бельтера, – сказал ему я, – то, увы, опоздал. Я с ним уже договорился.

– Тем хуже для меня! Придется взять сестру. Астрономия подождет. Кстати, она и Менар сейчас здесь – специально спустились из обсерватории. Вечером он должен ознакомить нас со своими теориями.

Я взглянул на Гелиос – тот стоял высоко в небе.

– Ну, до вечера еще навалом времени! А скажи-ка, Мишель, твою сестру не слишком стеснит, если эта девушка проживет у нее, пока мы ей что-нибудь подыщем?

– Да вот и она! Можешь спросить у нее самой.

– Я был бы тебе признателен, если бы ты сделал это за меня. Она меня немного смущает, твоя сестра-астроном!

– Тут ты не прав! Она отличная девушка, да и к тебе относится с большой симпатией.

– Тебе-то откуда это известно?

– Да она сама то и дело мне об этом твердит!

И он удалился, посмеиваясь.

Глава 2. Организация

После полудня в школьном зале собралась Академия наук Теллуса – Менару предстояло выступить с докладом. Присутствовали Мишель и Мартина, Массакр, Вандаль, Бреффор, мой дядя, инженеры, кюре, учитель, Анри и Ида, Луи,

мой брат, сам я и несколько любознательных жителей деревни. Менар поднялся на кафедру:

– Я хочу изложить результаты своих расчетов и наблюдений. Как вы уже знаете, мы оказались на другой планете – будем называть ее Теллус, поскольку это имя за ней утвердилось. Ее окружность по экватору составляет примерно пятьдесят тысяч километров; сила тяготения на поверхности – около девяти десятых от земной. У Теллуса есть три спутника; расстояние до них вычислено мной пока очень приблизительно: до Феба, самого маленького, но который нам кажется самым большим, – около ста тысяч километров; до Селены, превосходящей по величине нашу старую Луну, – около пятисот тридцати тысяч километров; до Артемиды, которая больше Луны раза в три, – около семисот восьмидесяти тысяч километров. Сначала я полагал, что наша планетная система принадлежит к числу систем с двумя солнцами. Но я ошибся. В действительности Соля, маленькое красное солнце, всего лишь очень большая, еще не остывшая планета на внешней от нас орбите. У Соля оказалось одиннадцать спутников. Гораздо дальше Соля есть другие планеты; они все вращаются вокруг Гелиоса. Сейчас период противостояния: когда заходит Гелиос, восходит Соля. Но некоторое время спустя, примерно через четверть теллусийского года, начнется период, когда мы будем одновременно видеть два солнца, потом – только одно, а иногда – ни одного, что будет гораздо удобнее для астрономических наблюдений, – добавил

он с явным удовлетворением. – Длительность дней и ночей была и остается одинаковой. Следовательно, мы на планете, ось которой имеет очень малый наклон к плоскости орбиты. Умеренная температура позволяет предполагать, что мы находимся где-то на сорок пятом градусе северной широты. Если принять склонение за нулевое, широта обсерватории будет равна сорока пяти градусам двенадцати минутам.

А сейчас я изложу вам единственную более или менее разумную гипотезу катастрофы, – гипотезу, которую мне удалось разработать. Она пришла мне в голову сразу же после того, как мы оказались на Теллусе.

Вы, несомненно, знаете, что некоторые астрономы рассматривают Вселенную как некую гиперсферу или, точнее, как некий гиперсфероид с четырьмя измерениями, округленный в четвертом измерении и имеющий в этом измерении толщину в одну молекулу. Такой сфероид парит в гиперпространстве, которое мы можем представить лишь очень смутно, по аналогии. Большинство теоретиков утверждало даже, во всяком случае последнее время, что, помимо континуума пространство – время, ничего не существует, даже пустоты, ибо пустота – это пространство. Мне эта теория всегда казалась несовершенной, и теперь я, кажется, смогу ее опровергнуть. Согласно моей гипотезе, в гиперпространстве существует множество гиперсфер-вселенных, плавающих в нем, как, скажем, могло бы летать в этом зале множество детских воздушных шаров. Возьмем два таких шара. Один – это

наша старая Вселенная, и там наша Солнечная система, затерянная где-то в необъятности Галактики. Второй – это вселенная, в галактике которой заключен Теллус. По неизвестным причинам две вселенные соприкоснулись. Произошло частичное взаимопроникновение двух миров, во время которого Земля и Теллус очутились в одном месте, где взаимодействовали два пространства – времени! По столь же неизвестным причинам кусок Земли был переброшен в иную вселенную; возможно, что и Теллус потерял в этой встрече часть своей массы, и тогда наши земляки, должно быть, охотятся сейчас на гидр где-нибудь в долине Роны. Ясно только, что обе вселенные двигались почти с одинаковой скоростью и в одном направлении и что скорости обращения Земли и Теллуса на орбитах также почти совпали, ибо иначе мы с вами вряд ли смогли бы уцелеть. Этим же объясняется и тот факт, что межпланетная экспедиция, в которой участвовал кузен присутствующего здесь Жана Бурна, отметила признаки катастрофы вблизи Нептуна, но обогнала ее и успела вернуться на Землю. Вполне возможно, что некоторые дальние планеты нашей Солнечной системы тоже «вылетели» в другую вселенную, – представляю, в каком смешном положении оказались бы тогда мои земные коллеги! Впрочем, я в это не верю.

Остается еще много необъяснимого. Почему не произошло внутриатомного взаимного проникновения, которое, по-видимому, вызвало бы чудовищный взрыв? Почему в результате катастрофы на новую планету была выброшена все-

го какая-то частица Земли? Этого мы не знаем и вряд ли сможем скоро узнать. И еще одно таинственное обстоятельство: каким-то чудом мы попали на планету, где есть органическая жизнь. Месье кюре видит в этом руку Провидения. Не знаю, не знаю...

Почти одновременно мне пришла в голову вторая гипотеза, еще более фантастическая. Я подумал, что произошел сдвиг во времени и мы очутились в далеком прошлом нашей собственной планеты, где-то в докембрии. Если во времени завязался какой-то узел, тогда наш Соль – это просто Юпитер. Однако эта теория не разрешает целого ряда проблем как физического, так и метафизического порядка, а наблюдения над Теллусом и другими планетами ее окончательно опровергают. Возможно также, что правы Мартина и Мишель, которые полагают, что мы на планете нашей Вселенной, с которой соприкоснулись в результате того, что произошел сдвиг пространства в его четвертом измерении. В таком случае мы можем оказаться на планете одной из солнечных систем – скажем, в туманности Андромеды или попросту на другом краю нашей старой Галактики. Будем надеяться, что дальнейшие наблюдения разрешат наш спор.

В заключение я хочу воздать должное пророческому гению некоторых романистов и напомнить вам, что Рони-старший в своей «Таинственной силе» предвидел аналогичную катастрофу. Но там речь шла о вселенной, состоящей из иной, нежели наша, материи. Тех, кто интересуется матема-

тической стороной изложенной теории, прошу обращаться ко мне...

Менар сошел с кафедры и через несколько секунд уже горячо спорил о чем-то с моим дядей, Мишелем и Мариной. Я было приблизился, но, услышав, что речь идет о тензорах, полях тяготения и тому подобном, поспешно отступил. Луи увлек меня в сторону:

– Теория Менара, конечно, крайне интересна, но с практической точки зрения ничего нам не дает. Ясно ведь, что нам суждено жить и умереть на этой планете. Стало быть, нужно как следует все здесь организовать. Дел еще непочатый край! Ты как-то говорил, что где-то здесь неподалеку мог находиться уголь. Как думаешь, он тоже последовал за нами?

– Возможно. Я даже буду удивлен, если после всей этой встряски на поверхность не выскочил какой-нибудь стефанский или вестфальский пласт. Что ты так на меня уставился? Это просто названия угольных пластов, которые можно было встретить в этом районе. Но должен тебя предупредить: ничего хорошего не жди! Несколько прослоек толщиной от пяти до тридцати сантиметров и уголь тощий, не антрацит.

– Хоть что-то! Главное, чтобы завод дал электричество. Ты ведь знаешь, на изготовление ракет мы истратили почти все запасы угля. Стали совсем нет. Хорошо еще, что есть алюминий и дюраль.

Последующие дни прошли для меня в сплошной горячке.

Совет принял меры для укрепления обороны. В нескольких километрах вокруг деревни мы оборудовали шесть сторожевых постов с герметичными убежищами; каждый из них был снабжен всем необходимым на случай осады и связан примитивной телефонной линией с центральным постом. Теперь, заметив гидр, наблюдатели сразу должны были поднимать тревогу. Мы эвакуировали четыре слишком удаленные фермы, переведя их обитателей и весь скот в деревню. Отныне крестьяне работали на полях только под прикрытием пулеметов, установленных на грузовиках; чтобы сберечь горючее, в машины впрягали животных, которые и довозили охрану до места, где потом паслись или работали под ее защитой. Мы усовершенствовали ракеты и создали настоящую противовоздушную артиллерию. При первом же налете она вполне себя оправдала: из полусотни гидр было сбито штук тридцать.

Однажды утром мы с Бельтером и двумя вооруженными бойцами отправились разыскивать уголь. Как я и предполагал, месторождение оказалось недалеко – частично на уцелевшей территории, но главным образом в мертвой зоне, где отдельные пласты выходили прямо на поверхность.

– Удобнее всего начать отсюда, – сказал Бельтер.

– Да, вот только в таком хаосе проследить пласт, вероятно, будет невозможно. Осмотрим нетронутый участок.

Я не ошибся: большинство пластов едва достигало толщины пятнадцать сантиметров, и лишь один – пятьдесят пять.

– Не завидую шахтерам, – сказал я. – Придется им тут повозиться.

Воспользовавшись своим правом министра геологии, я мобилизовал тридцать человек на разборку путей, которые некогда шли к ближайшей железнодорожной станции. Точно так же мы сняли вторую колею с ветки от завода к глиняному карьере, откуда шло сырье на завод. Благодаря открытию Муассака и Уилсона алюминий с 1967 года добывали не только из бокситов, и мы на Теллусе вернулись к старому способу лишь потому, что здесь оказались богатейшие залежи бокситов поразительной чистоты. Разумеется, Этранж запротестовал:

– И как же, по-вашему, я должен доставлять сырье на завод?

– Во-первых, я оставляю вам один путь из двух. Во-вторых, нам сейчас не понадобится такое количество алюминия, во всяком случае на первое время. В-третьих, ваш завод все равно не сможет работать, пока не будет угля. И в-четвертых, когда я отыщу руду, мы начнем выплавлять железо, которого хватит на все. А пока соберите железный лом – его здесь немало – и переплавьте на рельсы. В конце концов, это ваша работа!

Кроме того, я реквизирил на заводе два маленьких паровозика из шести и достаточное количество вагонов. В известковом карьере я забрал три отбойных молотка и один компрессор.

Несколько дней спустя шахта уже работала, а в деревне снова появилось электричество. Семнадцать «каторжников» стали шахтерами. Они работали под охраной, которая не столько стерегла их, сколько защищала от гидр. Довольно скоро эти люди забыли о том, что они осужденные, да и мы, признаться, тоже. Они стали обычными шахтерами и под руководством бывшего штейгера быстро освоили свою подземную профессию.

Так, в организационной работе, незаметно пролетело два месяца. Мишель и мой дядя с помощью часовщика изготовили часы теллусийского времени. Нам очень мешало то, что сутки состоят из двадцати девяти земных часов; каждый раз, чтобы узнать время по своим часам, приходилось делать сложные подсчеты. Поэтому сначала мы выпускали часы двух типов: с циферблатом на двадцать четыре «больших» часа и с циферблатом на двадцать девять земных часов. Позднее, через несколько лет, была принята система, существующая до сих пор, – вы только с ней и знакомы. Сутки делятся на десять часов по сто минут, причем в каждой минуте – сто секунд, которые, в свою очередь, делятся еще на десять мигнов. Секунды почти не отличаются от земных. Кстати, одним из первых результатов катастрофы было то, что все часы с маятниками разладились, к великому недоумению крестьян. Ведь сила притяжения на Теллусе меньше, чем на Земле!

Запасы продовольствия, пополненные за счет трофеев из

подвалов замка, полностью обеспечивали нас на десять земных месяцев. Мы оказались в умеренном поясе Теллуса, в области вечной весны, и, если бы пшеница прижилась в этом климате, могли рассчитывать на несколько урожаев в год. В долине было достаточно пахотной земли; нам должно было хватить ее до тех пор, пока население заметно не увеличится. К тому же почва Теллуса выглядела плодородной.

Мы отремонтировали множество домов и уже не ютились в прежней тесноте. Школа снова работала. Совет заседал теперь в большом металлическом ангаре. Здесь Ида властвовала над архивом, и здесь я обычно находил Бельтера, когда он бывал мне нужен. Мы составляли кодекс – основу нашего законодательства, стараясь по возможности не отходить от привычных на Земле норм, лишь упрощая их и приспособливая к новым условиям. Эти законы действуют до сих пор. Кроме архива, в том же ангаре помещались зал собраний и библиотека.

Обе железные дороги – от шахты и от глиняного карьера – действовали нормально, завод работал по мере необходимости, выполняя наши заказы. Мы все были заняты, потому что рабочих рук не хватало. Жизнь в деревне кипела! Она напоминала скорее оживленный земной городок, чем одинокое селение на неведомой планете, затерянной в пространстве или, может быть, даже среди пространств. Выпали первые здешние дожди – грозные ливни, затянувшиеся дней на десять. Настали первые темные ночи, пока еще очень корот-

кие. Трудно описать, что я почувствовал, когда впервые разглядел созвездия, которым суждено было стать нашими навсегда!

У членов совета вошло в привычку собираться для полуофициальных бесед в деревенском доме моего дяди либо, чаще, у него же в доме при обсерватории, который к тому времени отремонтировали. Там мы встречали Вандаля и Массакра, корпевших вместе с Брефффором над изучением гидр, там я видел Мартину, Бевена с женой, своего брата, а иногда и Менара, когда его удавалось оторвать от вычислительной машины. Если на официальных заседаниях, где решались практические вопросы, всем заправлял Луи, то здесь, где больше говорили о науке и философии, признанным главой нашего кружка благодаря своей колоссальной эрудиции был мой дядя. Изредка брал слово Менар, и каждый раз мы поражались глубине мыслей, которые высказывал этот маленький человечек с козлиной бородкой. У меня сохранились об этих встречах самые светлые воспоминания, потому что именно тогда я по-настоящему узнал и оценил Мартину.

Как-то вечером я поднимался к обсерватории в чудесном настроении; в трех километрах от мертвой зоны, уже на почве Теллуса, мне удалось обнаружить на дне лощины первоклассную железную руду. Собственно, нашел ее не я, а один из моих людей, который принес мне кусок руды и спросил, что это такое. Но какая разница? На повороте дороги мне

повстречалась Мартина.

– А вот и вы! Я как раз спускалась за вами.

– Я что, опоздал?

– Нет, остальные еще в обсерватории, где Менар рассказывает о новом открытии.

– И однако, вы пошли меня встречать? – проговорил я, немало польщенный.

– О! Невелика заслуга. Просто мне там неинтересно, так как именно я его, это открытие, и сделала.

– И что же вы открыли?

– Ну если в общих чертах...

В тот день я так ничего и не узнал. Мартина подняла глаза – да так и замерла с открытым ртом и округлившимися от ужаса глазами.

Я обернулся: прямо на нас пикировала гигантская гидра! В последний момент я все же сумел овладеть собой, толкнуть на землю Мартину и упасть рядом с нею. Гидра едва нас не задела, но все же пронеслась мимо. По инерции она пролетела еще метров сто, прежде чем смогла развернуться.

В один прыжок я вскочил на ноги:

– Бегите к деревне! Там вдоль дороги деревья, спрячьтесь под ними!

– А вы?

– А я займусь ею. Мне, возможно, удастся снять ее из револьвера...

– Нет, я остаюсь!

– Бегите же, бога ради!

Но бежать было уже поздно. И я знал, что мне с моим револьвером вряд ли удастся убить чудовище. Рядом в скале была расщелина. Я силой толкнул туда Мартину и заслонил ее своим телом. Прежде чем гидра выбросила свое жало, я выстрелил пять раз подряд; должно быть, пули попали в цель, потому что чудовище заколебалось в воздухе и отлетело немного назад. У меня оставались еще три патрона и нож, длинный шведский нож, всегда острый как бритва. Гидра повисла напротив нас, ее щупальца извивались, словно щупальца спрута, и шесть глаз смотрели на меня тускло и зловеще. По легкому сокращению конуса гидры я понял, что сейчас она метнет жало.

Выпустив последние три пули, я нагнул голову и с ножом в руке бросился к чудовищу. Мне удалось проскользнуть между щупальцами, ухватиться за одно из них. Боль от ожога была ошеломляющей, но я повис на гидре всем телом; она метнула жало в Мартину, промахнулась от моего толчка и расщепила роговое острие о скалу. Прижавшись к боку гидры, я кромсал ее ножом. Что было потом, я уже плохо помню. Помню свою нарастающую ярость, помню лохмотья омерзительного мяса, хлещущие меня по лицу, потом почему-то земля ушла у меня из-под ног, падение, удар – и все.

Очнулся я уже в постели, в доме дяди. Надо мной хлопотали Массакр и мой брат. Мои руки были красными и вздувшимися, левую сторону лица пронзала стреляющая боль.

– Как Мартина? – спросил я.

– С ней все в порядке. Легкое нервное потрясение, – ответил Массакр. – Я дал ей снотворное.

– А со мной?

– Ожоги, вывих левого плеча. Вам повезло. Вас отбросило метров на десять, и, если не считать плеча, вы не получили ни единого серьезного ушиба. Удар смягчили кусты. Плечо я вам вправил, пока вы были без сознания, – потому вы и очнулись. Максимум недели через две все пройдет!

– Две недели! Но у меня столько дел! Я только что нашел железную руду...

Резкая боль пронзила мои руки.

– Скажите, доктор, у вас ничего нет против этого яда? Жжет просто-таки нестерпимо.

– Минут через пять вы почувствуете себя уже лучше: я наложил успокаивающую мазь.

Дверь распахнулась настежь, и в комнату ворвался Мишель. Он бросился ко мне с протянутыми вперед руками, но, увидев, что мои забинтованы, остановился:

– Доктор, что с ним?

– Пустяки!

– Ах, старина, старина! Если бы не ты, моей сестре пришел бы конец!

– Ты же не хотел бы, чтобы я позволил этому летающему спруту, ошибившемуся в выборе пищи, сожрать нас? – попытался пошутить я. – Кстати, он мертв?

– Мертв? Еще бы! Ты разорвал его в клочья! Ах! Я даже не знаю, как мне тебя отблагодарить...

– Не беспокойся! На этой планете у тебя еще будет возможность отплатить мне тем же.

– А теперь, – прервал нас Массакр, – пусть больной уснет. Сейчас его, вероятно, начнет лихорадить.

Все покорно направились к выходу. Когда Мишель был уже у порога, я попросил его:

– Пришли ко мне завтра утром Бельтера.

Почти тотчас же я забылся беспокойным сном, из которого вышел через несколько часов обессиленным, но зато без малейших признаков лихорадки. Потом я снова безмятежно уснул и проспал часов до одиннадцати следующего дня. Руки и лицо болели уже гораздо меньше. Рядом, на стуле, согнувшись вдвое, спал Мишель.

– Он просидел тут всю ночь, – раздался голос моего брата, появившегося в дверях. – Как себя чувствуешь?

– Лучше, намного лучше! Как думаешь, когда я смогу встать?

– Массакр сказал, что дня через два-три, если жар не вернется.

Позади Поля с подносом, на котором стоял дымящийся кофейник, внезапно возникла Мартина:

– Завтрак для Геракла! Доктор сказал, что он может поесть!

Она поставила поднос, помогла мне сесть, подложив под

спину подушки, и на мгновение коснулась моего лба губами.

– Это все, чем я могу вас отблагодарить! Подумать только: если бы не вы, я бы сейчас была бесформенным трупом. Брр!

Она потрясла Мишеля за плечо:

– Вставай, братец! Тебя ждет Луи.

Мишель поднялся на ноги, зевнул и, осведомившись о моем самочувствии, ушел вместе с Полем.

– Луи тоже обещал днем зайти. А теперь, господин Геракл, я вас покормлю.

– Почему Геракл?

– Черт возьми! Когда сражаются врукопашную с гидрами...

– А я-то думал, что это из-за моего авантажного телосложения, – проговорил я с деланой обидой.

– Прекрасно. Раз вы шутите, значит скоро поправитесь.

Она накормила меня как ребенка, затем заставила выпить чашку кофе.

– Кофе просто восхитительный! – похвалил я.

– Я рада – сама готовила. Но только представьте: даже за какой-то несчастной порцией кофе пришлось обращаться в совет! Теперь он проходит у нас как лекарство.

– Боюсь, придется нам отвыкать от кофе. Вряд ли на Теллусе есть кофейные деревья. Но это еще полбеды, а вот как быть с сахаром?..

– Полноте! Найдем какое-нибудь сахароносное растение! А не найдем – в деревне остались ульи. Будем есть мед, как

в старину.

– Да, но если на нашем клочке Земли есть цветы, то на теллусийских растениях мы до сих пор не нашли ни единого.

– Будет видно. Ну а я оптимистка. У нас был всего лишь один шанс уцелеть из миллиарда, и все-таки мы уцелели!

Нашу беседу прервал стук в дверь: явилась неразлучная парочка – Анри и Ида.

– Пришли взглянуть на героя! – сказала последняя.

– Хо! Героя! Когда тебя загоняют в угол, героизм неизбежен!

– Вот уж не знаю, – заметил Анри. – Я бы, наверное, позволил себя съесть.

– Даже если бы с тобой была Ида?

– Что-что?

Я покраснел:

– Нет, я вовсе не это хотел сказать. Предположим, ты был бы там с Мартиной или с какой-нибудь другой девушкой...

– По правде сказать, даже не знаю.

– Ты просто клеветешь на себя! Впрочем, я вызвал тебя не для этих разговоров. Возьми двух парней, которые были со мной, и разведай поподробнее рудное месторождение. Принеси мне различные образцы. В тот день, когда мы нашли железо, было уже поздно и я не смог подробно осмотреть месторождение. Если оно окажется стоящим, постарайся сразу наметить удобную трассу для железной дороги. Но не забывай про гидр: оказывается, они не везде летают стая-

ми, я в этом убедился! Они могут напасть и по две, и по три, так что ты лучше возьми человек десять охраны и грузовик. А как у вас, Ида, дело движется?

– Уже начала кодифицировать ваши декреты. Довольно интересно: прямо на глазах рождаются новые законы. Правда, ваш совет присвоил себе диктаторские полномочия.

– Надеюсь, это временно. Иначе пока нельзя! Что нового внизу, в деревне?

– Луи в ярости. Он нашел наблюдателей, которые пропустили вашу гидру, – это парни с третьего поста. А те оправдываются, говорят, что гидра была одна.

– Вот ведь мерзавцы!

– Луи предлагает их всех расстрелять!

– Ну это уж слишком. У нас и так людей мало.

Через пять дней, когда я впервые вышел из дому, опираясь на Мишеля и Мартину, мне рассказали, чем кончилось дело: ротозеев просто выгнали из охраны и приговорили к двум годам работы на шахте. Постепенно я поправился, и все вернулось в нормальную колею.

Мы проложили к рудному месторождению железную дорогу и построили примитивную домну. Руды – гематита – мы обнаружили не очень много, зато она оказалась богатой, да и на наши скромные нужды ее должно было хватить.

Первая плавка, несмотря на все знания Этранжа, прошла кое-как. Настоящего коксующегося угля у нас не было, поэтому чугуна получился неважный, но все же мы его перева-

рили в сталь. По совести говоря, на ближайшее будущее железа у нас было достаточно, и эту плавку мы поспешили выдать главным образом для того, чтобы испытать свои силы. Мы отлили рельсы и вагонные скаты.

Возле рудника построили каменные убежища, где рабочие могли укрываться в случае нападения гидр, а кабины паровозиков мы переделали так, что при случае в них можно было запереться наглухо.

Погода не менялась: казалось, здесь царит нескончаемая, очень теплая весна. «Черные ночи» постепенно удлинялись.

В обсерватории мой дядя и Менар открыли уже пять планет на внешних орбитах; на ближайшей к нам планете были обнаружены атмосфера и облака. Сквозь разрывы облачности можно было наблюдать моря и материки. Спектроскоп показал наличие кислорода и водяных паров. Наша соседка была примерно такого же размера, как Теллус, и имела два больших спутника. Удивительно, как глубоко сидит у нас в душе страсть без конца расширять свои владения! Даже мы, несчастные крохи человечества, неуверенные в завтрашнем дне, – даже мы обрадовались, когда узнали, что рядом с нами есть планеты, где смогут жить люди.

Недалеко от рудника мы для пробы распахали под защитой гарнизона около гектара теллусийской целины. Почва оказалась легкой, хорошо удобренной перегноем сероватых трав. Я немедленно приказал ее засеять различными сортами пшеницы, несмотря на протесты крестьян, которые твер-

дили, что сейчас не время для сева. Мишелю пришлось целых полдня втолковывать им, что на Теллусе нет обычных времен года, а потому сеять или жать можно всегда и лучше это делать сейчас, чем потом.

Когда началась пахота, мы снова столкнулись с плоскими змеями вроде той, что обнаружили во время первой разведки. Но та была уже мертвой, а этих пришлось убивать. Крестьяне прозвали их гадюками, и это имя осталось за ними, хотя с земными гадюками у этих созданий не было ничего общего.

Длиной они были от пятидесяти сантиметров до трех метров. В сущности, их нельзя назвать ядовитыми, но они достаточно опасны: мощные полые зубы на нижней челюсти впрыскивают в жертву необычайно сильный пищеварительный сок, который разжижает ткани, вызывая своего рода гангрену, и, если помощь не оказать немедленно, дело может кончиться ампутацией или даже смертью. К счастью, эти крайне злобные и ловкие твари попадались нечасто. Одна укусила быка, который тут же подох, а другая – человека. Оказавшиеся на месте Вандаль и Массакр немедленно наложили жгут и ампутировали пораженную ногу. Это были единственные жертвы.

Вслед за растениями Теллус начали осваивать земные насекомые, в первую очередь – крупные рыжие муравьи, название которых я позабыл. Неподалеку от рудника Вандаль нашел целый муравейник! Муравьи с жадностью пожирали

смолку, сочившуюся из серых растений, и размножились с удивительной быстротой. К тому времени, когда на опытном поле показались первые зеленые всходы, они уже кишели везде, легко справляясь с маленькими насекомыми Теллуса, которые пытались бороться с пришельцами.

После бурного начала настали дни мира и тишины. Постепенно, понемногу мы преодолевали даже то, что казалось непреодолимым. Месяцы шли за месяцами. Мы собрали первый урожай, обильный на «земных» полях и просто великолепный на распаханном участке Теллуса. Похоже было, что пшеница акклиматизировалась на славу. Стада множились, но пастбищ пока хватало. Земные растения, по-видимому, были сильнее местных, и вокруг уже появлялись пятна смешанных степей. Странно было видеть, как знакомые наши травы окружают какой-нибудь пыльно-серый кустик с цинковыми листьями.

Лишь теперь, на досуге, я смог поразмыслить о самом себе. Сразу после катастрофы мной овладела растерянность, граничащая с отчаянием: я знал, что осужден на вечное изгнание, навсегда разлучен с друзьями, отрезан от них непреодолимой пропастью, которую не измерить никакими земными мерами. И я испытывал ужас перед неведомой планетой, населенной чудовищами. Затем необходимость немедленных действий: война с бандитами, организационная работа, ответственный пост министра, который мне навязали, – все это полностью захватило меня, и теперь я с удивле-

нием замечал, что от прежних настроений не осталось и следа. Мной овладела жажда приключений, радостная и неутолимая страсть открывателя неведомых горизонтов.

Однажды я заговорил обо всем этом с Мартиной по дороге в обсерваторию; теперь она и Мишель бывали там лишь изредка, посвящая большую часть своего времени общественным работам и обучению молоденького пастуха Жана Видаля, у которого оказались блестящие способности. Я тоже преподавал ему геологию, Вандаль – биологию, а мой брат – историю Земли. Впоследствии Видаль стал крупным ученым и, как вы знаете, был избран вице-президентом республики. Но не будем забегать вперед.

– Подумать только, – говорил я Мартине, – что, когда мой кузен Бернар хотел взять меня в межпланетную экспедицию, я наотрез отказался под тем предлогом, что сперва, мол, должен доучиться. В действительности же я просто боялся! Я, который ради какой-нибудь окаменелости готов был пойти хоть на край Земли, испытывал настоящий ужас от одной лишь мысли о том, чтобы эту Землю покинуть! И вот теперь я на Теллусе – и весьма этому рад! Забавно, не так ли?

– У меня все еще забавнее. Я работала над диссертацией, в которой доказывала несостоятельность теории изогнутого пространства. И вот теперь получила красноречивое доказательство ее достоверности!

Мы прошли уже половину пути, когда взвывла сирена тревоги.

– Черт, опять эти мерзкие твари! В убежище!

Такие убежища от гидр стояли теперь почти всюду, и ближайшее было от нас метрах в тридцати. Мы припустили бегом, не думая о самолюбии, хотя на этот раз у меня, кроме ножа и револьвера, был с собой автомат. Заставив Мартину войти внутрь, я остался на пороге, изготовившись для стрельбы. Сверху покатались камешки, а следом за ними передо мной появилась черная фигура кюре:

– А, это вы, месье Бурна! Откуда летят гидры?

– С севера, полагаю. Сирена подала лишь один сигнал. Входите!

– Боже, когда же мы наконец избавимся от этих адских созданий?

– Боюсь, что не скоро. А! Вот и они! Входите, входите, вы же безоружны!

Высоко над нами появилось зеленое облачко. Совсем рядом с ним, но немного ниже в небе вспухли черные клубочки – разрывы ракет.

– Недолет! Ага! Вот так уже лучше!

Следующий залп угодил прямо в середину стаи, и через несколько секунд сверху начали падать клочья зеленого мяса. Оставив дверь полуоткрытой, я нырнул в убежище: даже после смерти гидры кожа ее причиняет жестокие ожоги.

В убежище Мартина беседовала с кюре, поглядывая в окошко с толстым стеклом. Гидры, словно сообразив, что в стае им оставаться опасно, пикировали группами по две-три

штуки. Сквозь полуотворенную дверь я видел, как они вились над паровозом нашей узкоколейки; машинист в своей закрытой кабине был в безопасности. Внезапно я расхохотался: над паровозиком взвилась струя пара, и перепуганные гидры бросились врассыпную. Я все еще смеялся, оглядываясь вокруг. Внизу, в деревне, трещали выстрелы, и на площади, у колодца, уже валялось несколько сбитых гидр. Внезапно какая-то тень закрыла небо. Я прыгнул в убежище и захлопнул за собой дверь; гидра пролетела над самой крышей. Прежде чем я успел просунуть автомат в бойницу, она была уже далеко.

Вопль Мартины заставил меня вздрогнуть.

– Жан! Сюда, скорее!

Я бросился к окошку: к нам со всех ног бежал мальчик лет двенадцати, а за ним гналась гидра. До убежища оставалось еще метров полтора. Несмотря на смертельную опасность, мальчишка, видимо, не растерялся: он бежал зигзагами, умело используя деревья, которые мешали его преследователю. Вся эта сцена мелькнула передо мной, как при вспышке молнии; в следующее мгновение я уже был снаружи. Гидра набрала высоту и теперь пикировала.

– Ложись! – закричал я.

Мальчик понял и прижался к земле; гидра промахнулась.

Я дал по ней очередь в десять выстрелов на расстоянии пятидесяти метров. Чудовище подскочило в воздухе и снова развернулось для нападения. Я вскинул автомат, взял при-

цел на тридцать метров; после второго выстрела ствол заклинило.

В чехле у меня был запасной ствол, но поставить его я бы уже не успел. Отбросив автомат, я выхватил револьвер. Гидра приближалась.

И тогда мимо меня пронесся, пыхтя, наш толстячок-кюре в своей развевающейся сутане. Так быстро он, должно быть, не бегал ни разу в жизни! Гидра спикировала, но кюре успел раскинуть руки, прикрыть малыша и принять смертоносный укол на себя...

За эти секунды я сменил ствол и с расстояния десяти метров выпустил очередь за очередью, пока мертвое чудовище не рухнуло на тело своей жертвы.

Я огляделся: других гидр поблизости не было, да и в деревне стрельба затихла; лишь высоко в небе плыло несколько зеленых пятен. С трудом освободил я труп кюре – один грамм яда гидры убивал быка, а чудовище зараз впрыскивало кубиков десять, если не больше! Мартина легко подняла мальчугана, потерявшего сознание, и мы пошли к деревне.

Жители опасливо отпирали забаррикадированные изнутри двери. Мальчик очнулся, и, когда мы его передали матери, он уже мог идти сам.

Я нашел Луи на площади, у колодца, – он был мрачнее тучи.

– Скверный день, – сказал он. – У нас тут двое убитых: Пьер Эвре и Жан Клод Шар. Не пожелали укрыться, чтобы

удобнее было стрелять...

– Трое убитых, – проговорил я.

– Кто третий?

Я объяснил.

– Что ж, я не слишком люблю священников, но этот погиб смертью храбрых! Предлагаю устроить торжественные похороны всем погибшим сегодня.

– Поступай как хочешь. Им от этого легче не станет!

– Нужно поднять моральный дух. Слишком многие боятся, пусть мы и убили уже тридцать две гидры!

Из зала совета я позвонил дяде, чтобы он о нас не беспокоился. На следующий день состоялись похороны, на которых Луи произнес надгробную речь, прославляя героизм погибших.

Кладбище мы покинули с Мартиной и Мишелем. На полевой тропинке, куда мы свернули, чтобы сократить путь, нам попался труп гидры; огромная тварь длиной более шести метров, не считая щупалец, загромождала дорогу. Пришлось ее обойти. Мартина была бледна как мел.

– Что с тобой, сестричка? – спросил Мишель. – Опасность уже миновала.

– Ох, Мишель, мне так страшно! Этот мир слишком жесток к нам, слишком безжалостен! Эти зеленые чудовища всех нас убьют!

– Не думаю, – сказал я. – Наше оружие с каждым днем улучшается. Вчера, будь мы чуть более осторожными, все

обошлось бы и вовсе без жертв. В сущности, мы здесь подвергаемся не бóльшим опасностям, чем индусы с их тиграми и змеями...

– От змеиного яда помогают противоядия. А тигры... что ж, это тигры, звери, не слишком-то и отличающиеся от нас самих. Но эти зеленые полипы, которые переваривают тебя в твоей собственной коже... Ужас, просто ужас! Мне так страшно... – чуть слышно повторила Мартина.

Мы утешали ее как только могли, но, придя в деревню, увидели, что в утешении нуждается не одна она. Подъехал состав вагонеток с рудой, и машинист вышел поболтать с каким-то крестьянином.

– Тебе-то бояться нечего, – говорил тот. – Заперся в своей кабине, сидишь себе и в ус не дуешь... А мы... пока распряжем быков и забежим в убежище... нас эти твари успеют убить раз десять! И пусть воют эти сирены – они всегда воют слишком поздно! Клянусь тебе: как идти в поле, я теперь каждый раз молюсь! Только дома спокойно, да и то не слишком...

Подобных разговоров мы в тот день наслушались вдоволь. Слабину давали даже некоторые рабочие завода, хоть они и работали в укрытии. Если бы гидры нападали ежедневно, даже и не знаю, чем бы все это закончилось. Но, к счастью, до великой битвы они больше не появлялись, и мало-помалу напряжение ослабло, да до такой степени, что время от времени нам приходилось строго наказывать слишком беспеч-

ных наблюдателей.

Глава 3. Разведочные работы

К тому времени, когда я разработал план экспедиции, мне стало ясно, что я люблю Мартину. Каждый вечер мы с ней поднимались к дому моего дяди, где вместе обедали. Иногда нас сопровождал Мишель, но обычно он приходил один, раньше. Я делился с Мартиной своими замыслами, и она дала мне немало полезных советов. Незаметно от деловых разговоров мы перешли к воспоминаниям.

Я узнал, что Мартина в тринадцать лет осталась без родителей, их целиком заменил ей Мишель. Он был астрономом, а потому, когда выяснилось, что у девочки явная склонность к точным наукам, привлек сестру к своей работе. Так уж вышло, что я был хорошо знаком с членами первой экспедиции «Земля – Марс» (ее глава Бернар Верильяк был моим кузеном) и мог рассказать Мартине немало интересного об этом межпланетном полете. Какой-то восторженный репортер даже сфотографировал меня между Бернаром и Сигурдом Ольсеном как «самого юного участника экспедиции», а потом на факультете насмешники не давали мне прохода. Тем не менее, когда мне предложили принять участие во втором перелете, я отказался, отчасти из-за того, чтобы не огорчать свою мать – какое благородство! – а отчасти просто из трусости, и тут уже благородством не пахло. Отыскав в

дядиной библиотеке газеты того времени, я показал Мартине «знаменитую» фотографию. Она в свою очередь показала мне другой снимок: на докладе начальника экспедиции Поля Бернадака в пятом ряду слушателей слабой карандашной чертой были обведены головы юноши и девушки.

– Это Мишель и я. Как астроному, ему были выделены одни из лучших мест. Я запомнила тот день на всю жизнь!

– А знаете, я вас там, возможно, видел! Я помогал Бернару демонстрировать диапозитивы!

Через увеличительное стекло я смог рассмотреть на снимке лицо Мартины, тогда еще немного детское.

Так от вечера к вечеру мы становились друг другу все ближе и однажды, уже не помню как, перешли на «ты». А в один из вечеров, когда Мишель ожидал нас на пороге дома, мы появились перед ним рука об руку. С лукавой усмешкой он простер руки над нашими головами и торжественно произнес:

– Дорогие мои дети, как глава семьи даю вам свое благословение!

Немного смущенные, мы переглянулись.

– А что? Неужели я ошибся?

Почти одновременно мы ответили:

– Спроси у Мартины!

– Спроси у Жана!

И все трое покатались со смеху.

На следующий день я изложил на заседании совета свой

давно уже вынашиваемый план экспедиции.

– Вы сможете, – спросил я у Этранжа, – переделать грузовик в своего рода легкий танк с дюралевой броней и башней для пулемета? Это помогло бы нам исследовать хоть какую-то часть поверхности Теллуса.

– Так ли уж это необходимо? – вмешался Луи.

– Еще как необходимо! Ты знаешь, что сырья у нас в обрез. Железной руды едва хватит на два года, и то если мы будем экономить. Нас окружают болота и степь, где рудные выходы искать очень сложно. Нам надо добраться до гор. Кстати, там мы, может быть, найдем и леса, которые поставят нам дешевую древесину, иначе мы скоро вырубим здесь все деревья, а их и так осталось немного. Может, мы встретим полезных для нас животных, может, отыщем уголь – кто знает! А может, найдем такое место, где нет гидр. Вряд ли они улетают далеко от своего болота!

– Каков будет, по-твоему, расход газойля?

– А сколько потребляет лучший грузовик?

– Двадцать два литра на сто километров. С грузом и по бездорожью выйдет около тридцати.

– Тогда, скажем, тысяча двести литров. В этом случае наш радиус действия составит две тысячи километров. Так сильно удаляться я не намерен, но мы ведь не по прямой ездить будем.

– Сколько человек тебе нужно?

– Семеро, считая меня самого. Думаю взять Бельтера, ко-

того я уже научил распознавать основные минералы; Мишеля, если он пожелает...

– Конечно же пожелая! Наконец-то займусь астрономией, так сказать, на месте событий, а не в телескоп...

– Ты мне будешь особенно полезен в том, что касается определения местоположения и топографических высот. На счет остальных я подумую.

План экспедиции был утвержден почти единогласно – воздержался лишь Шарнье. И на следующий день Этранж дал рабочим указания приступить к переделке грузовика.

Мы выбрали машину со сдвоенными задними баллонами. Слишком хрупкие стекла заменили плексигласом, позаимствованным из запасов обсерватории, проверили все замки и поставили на стеклоподъемники листы дюрала, которые могли в случае необходимости наглухо закрыть окна.

Перегородку между кабиной и кузовом мы разобрали, кузов расширили и превратили в каюту с полукруглой крышей, обшив каркас из прочных стальных дуг толстыми дюралевыми листами. Над крышей поставили вращающуюся башенку с автоматическим пулеметом двадцатимиллиметрового калибра; стрелок мог поворачивать ее с помощью педалей.

Кроме пушки, наше вооружение состояло из пятидесяти дальнобойных ракет длиной сто десять сантиметров, двух ручных пулеметов и четырех автоматов. Для пушки мы взяли восемьсот снарядов, для пулеметов – по шестьсот патронов на каждый, для автоматов – по четыреста. Шесть допол-

нительных баков по двести литров вместили запас горючего. В кузове установили шесть откидных коек в два ряда, по три друг над другом, маленький складной столик и ящики с продовольствием, которые одновременно должны были служить стульями. Инструменты, приборы, взрывчатка, баки с питьевой водой и маленький приемник-передатчик заняли все свободные углы внутри, а то, что не уместилось, мы привязали к крыше. Там же, вокруг башни, легли шесть новых шин для нашего броневика. Каюта освещалась двумя лампочками и тремя закрывающимися изнутри окнами. Бойницы в броне позволяли вести круговой обстрел. Мы заново перебрали весь мотор, всю ходовую часть, и в моем распоряжении оказалась достаточно мощная боевая машина, которой не страшны никакие гидры. Горючего нам должно было хватить на четыре тысячи километров, а запаса продовольствия – на двадцать пять дней. Во время испытаний грузовик легко шел по дороге со скоростью шестьдесят километров в час, но по пересеченной местности нужно было рассчитывать самое большее на тридцать.

Я тем временем продолжал подбирать экипаж. Вот кто должен был в него войти.

Начальник экспедиции и геолог: Жан Бурна.

Заместитель начальника: Брефффор.

Зоолог и ботаник: Вандаль.

Штурман: Мишель Соваж.

Изыскатель: Бельтер.

Механик и радист: Поль Шеффер.

Шеффер – бывший авиамеханик – был другом Луи. Кого взять седьмым, я не знал. Я с радостью позвал бы Массакра, но его присутствие в деревне было как минимум столь же необходимым. Оставив незаконченный список на столе, я куда-то вышел, а когда вернулся, внизу дерзким почерком Мартины уже было приписано: «Кухарка и санитарка: Мартина Соваж».

Сколько мы с Мишелем ни бились, нам так и не удалось ее отговорить. В конечном счете я был даже рад, когда Мартина заставила меня сдать: она была сильна, смела, превосходно стреляла, и, кроме того, я был уверен, что в нашем броневике мы, в сущности, можем ничего не опасаться.

Последние приготовления подходили к концу. Каждый как мог рассовал свои книги и личные вещи, каждый выбрал себе спальное место. Мартина заняла верхнюю койку справа, а я – слева. Подо мной были Вандаль и Бреффор, под Мартиной – Мишель и Бельтер. Шефферу предстояло спать на сиденье водителя: для его ста шестидесяти сантиметров кабина была достаточно широка. Боясь, что внутри будет слишком жарко, мы установили дополнительный вентилятор. Люк в крыше и лесенка позволяли выбраться наверх, но при малейшей опасности все должны были немедленно прятаться в кузов.

И вот настало утро голубого дня, когда мы заняли свои места. Я сел за руль. Мишель и Мартина – рядом со мной,

Шеффер, Вандаль и Бреффор вылезли на крышу, а Бельтер забрался в башню, к пушке; со мной он был на связи по телефону. Перед отъездом я убедился, что водить машину, исправлять обычные поломки и стрелять из пулемета может каждый из нас. Пожав руки друзьям и обняв на прощание дядю и брата, я завел грузовик. Мы свернули на дорогу к замку. Бельтер из люка башни долго еще махал рукой Иде, которая в ответ размахивала платком. Я был взволнован, счастлив и распевал во всю глотку. Мы проехали мимо развалин, потом вдоль полотна узкоколейки и по новой, едва намеченной дороге выбрались к руднику. Наблюдатели были на местах. Несколько рабочих прохаживались группами перед началом смены, другие закусывали. Дружески простившись с ними, мы двинулись дальше, в степь, прямо по серой теллусийской траве. Сначала еще попадались земные растения, но вскоре они исчезли. Через час последняя колея, самая крайняя точка, куда мы доезжали во время наших разведок, осталась позади. Перед нами была неведомая планета.

Легкий западный ветерок волновал траву, которая с сухим шелестом ложилась под колеса грузовика. Почва была твердой и удивительно ровной. Серая степь расстилалась вокруг, на сколько хватало глаз. На юге собирались редкие белые облака, «обыкновенные облака», как заметил Мишель.

– В каком направлении рванем? – спросил он, раскладывая на планшете свои штурманские приборы.

У Теллуса оказалось такое же постоянное магнитное по-

ле, как у Земли, и наши компасы действовали превосходно, с той лишь разницей, что здесь все было наоборот, так что северный конец стрелки указывал на юг.

– Сначала – прямо на юг, потом – на юго-восток. Так нам удастся обогнуть болото. По крайней мере, я на это надеюсь. Затем – к горам.

В полдень мы остановились и первый раз позавтракали «под сенью грузовика», как выразился Поль Шеффер, – сенью скорее воображаемой, чем реальной. Хорошо еще, что нас освежал слабый ветерок.

Мы весело попивали вино, когда трава рядом с нами вдруг зашевелилась и оттуда выскочила плоская гадюка. Не дав нам опомниться, она ринулась вперед и впилась... прямо в левую переднюю шину грузовика, которая тотчас начала оседать с характерным шипением.

– Мать твою! – выругался Поль, прыгнул в кабину и выскочил обратно с топором в руках.

– Не испортите ее, прошу вас! – кричал Вандаль, но Поль не обращал внимания; одним ударом он рассек змею, да так, что лезвие топора ушло в почву по самую рукоятку.

Мы покатались со смеху.

– Не уверен, что добыча показалась ей достаточно сочной, – проговорил Мишель, пытаясь разжать челюсти гадюки.

Но для этого понадобились клещи. Размонтировав шину, мы убедились, что желудочный сок этой твари обладал неве-

роятной силой: резина уже сморщилась, а корд вокруг прокола растворился бесследно.

– Прошу прощения, – сказал Мишель, поворачиваясь к останкам рептилии. – Не знал, что вы способны переваривать каучук!

Мы поехали дальше, держа среднюю скорость двадцать пять, тридцать километров в час. К вечеру позади осталось триста километров. Несколько раз я пытался свернуть влево, но там все еще тянулось болото. Ночь прошла спокойно. Лишь на следующий день после трех часов быстрой езды мы смогли наконец изменить направление. По-прежнему вокруг шелестела серая трава, изредка попадались кусты, да несколько раз нам пришлось объезжать овраги. Мы двигались к горам, возвышающимся на линии горизонта. Часов в десять погода начала портиться, и, когда мы остановились для полуденного завтрака, дождь всюду барабанил по дюралевой броне. Поели, не выходя из машины, кое-как, в тесноте. Тем временем дождь превратился в ливень, видимость была отвратительной, и я решил переждать.

Мы приоткрыли окна, чтобы в машине было свежее, и расположились кто как хотел: одни – на койках, другие – вокруг стола. Я полулежал на переднем сиденье, Мишель и Мартина сидели на пороге проема, соединявшего кабину с кузовом. Лениво текла беседа. Мы с Мишелем дымили трубками, остальные покуривали сигареты. Благодаря какой-то счастливой случайности в деревне, помимо большого запаса

табака, у одного из жителей оказалась табачная рассада, и теперь мы сами выращивали табак, не опасаясь вмешательства акцизных чиновников.

Дождь лил семнадцать часов подряд и, по словам дежурных, не прекращался ни на минуту. Когда мы утром проснулись, он все еще шел, хотя и не так сильно. Вся равнина была покрыта водой: плотный перегонной медленно впитывал влагу. Мишель попробовал тронуться с места; грузовик забуксовал, но потом покатился, осторожно набирая скорость. К концу третьего дня пути мы проехали уже шестьсот пятьдесят километров и заметно приблизились к горам. Местность менялась: теперь вокруг были цепи холмов, вытянутые с юго-запада на северо-восток. Между двумя такими цепями мне удалось сделать очень важное открытие.

Вечерело. Мы остановились у подножия красноватого глинистого холма, на котором даже трава не росла. Захватив автомат, я вылез из грузовика и отправился прогуляться. Шел я не торопясь: поглядывал время от времени на небо и раздумывал над тем, можно ли применять на Теллусе законы земной геологии. Когда я уже склонялся к положительному ответу, мне почудилось в воздухе что-то странное, необъяснимое, но очень знакомое! Я остановился. Передо мной было небольшое маслянистое болотце со скудной растительностью: пучки рыжей, ржавой травы лишь кое-где торчали из воды, затянутой радужной пленкой. От неожиданности я чуть не подскочил: от болотца тянуло нефтью!

Я приблизился. Там, где болото слегка вдавалось в берег, на поверхность вырывались пузырьки газа. От огня зажигалки они легко вспыхивали, но это еще ничего не доказывало – обыкновенный болотный газ тоже горит. Но радужная пленка... По всем признакам здесь была нефть, и, очевидно, на незначительной глубине. Я обследовал местность. Слой глины, из которой состоял холм, здесь переходил в темный сланец, а в ста метрах от болотца сланцевый пласт упирался в обрыв из белого известняка. Все признаки сброса были налицо! Это меня обеспокоило. В результате сброса нефть могла разлиться по поверхности – тогда месторождение было бы для нас потеряно, – но могла и остаться совсем неглубоко. Одно, во всяком случае, было несомненно: нефть на Теллусе есть, и мы сможем ее добывать, так или иначе.

Тщательно отметив на маршрутной карте это место, мы двинулись дальше, огибая с юга гряды гор, вернее, высоких холмов, так как они не поднимались выше восьмисот метров. Это была известняковая гряда, по-видимому, совсем недавнего происхождения: следы эрозии на ней почти не были заметны. В одной отвалившейся глыбе я нашел окаменелую раковину, похожую на нашу земную брахиоподу. Значит, на Теллусе, кроме бескостных гидр, есть или были существа с твердым панцирем.

Растительность по-прежнему оставалась унылой и однообразной, серая трава да серо-зеленые деревья, то есть просто кусты. На остановках Вандаль превращал стол в лабора-

торию и склонялся над микроскопом, но до сих пор ему не удалось обнаружить ничего сенсационного. Клетки растений были такими же, как на Земле, если не считать того, что многие имели всего по одному ядру. У этих растений не было цветов: они размножались спорами, как на Земле в палеозойскую эру.

Сразу же за цепью холмов перед нами предстала могучая горная гряда со снеговыми вершинами. Центральная была особенно хороша! Ее гигантские размеры поражали глаз. Черная как ночь, под ослепительной снежной шапкой, эта гора стояла на равнине огромным конусом с геометрически правильными очертаниями. Мы назвали ее «горой Тьмы».

Мы покатали прямо к ней. Мишель сделал прикидку, произвел простейший подсчет и даже присвистнул от удивления:

– Ого! Почти двенадцать семьсот!

– Двенадцать? Выходит, она выше Эвереста на...

– Да, на три с лишним тысячи метров.

– Но почему так хорошо видно вершину? Ведь она должна быть над облаками...

– Да потому, что облаков тут как раз нет. Они вообще, судя по всему, на Теллусе встречаются редко. Зато уж если польет дождь!.. Вспомни, что было позавчера!

– Похоже, однако, дожди здесь бывают гораздо чаще, чем ты думаешь. Без воды вся эта растительность давно бы уже погибла!

Мы двигались к подножию горы Тьмы без происшествий, как вдруг перед нами возникло почти непреодолимое препятствие. Местность резко пошла под уклон, и мы увидели внизу, на дне широкой долины, реку. Берега ее покрывали древовидные растения: из всего, что нам до сих пор попадалось, ничто еще так не походило на наши земные деревья. У них были даже соцветия, которые Вандаль сравнил с пестиками некоторых голосемянных.

Но как переправиться через реку? Не очень широкая, всего метров двести, она была глубока и стремительна, с черной, жуткой водой. В память о родном крае я назвал ее Дордонью. Гидры вряд ли могли обитать в ее быстрых водах, но на всякий случай следовало держаться настороже.

Мы двинулись вверх по течению, надеясь отыскать более подходящее место для переправы, и к вечеру неожиданно для нас самих достигли истоков реки: уже глубокая и полноводная, она вытекала из-под известнякового обрыва, поросшего кустарником. Нелегко было провести машину по этому скалистому мосту, заваленному крупными обломками и пересеченному рывтинами, но в конце концов нам это удалось. По противоположному берегу мы спустились ниже и повернули прямо к пику Тьмы.

Из-за обмана зрения нам казалось, что этот пик примыкает к горной гряде, но на самом деле он одиноко возвышался на равнине, далеко впереди остальных гор. Базальт и черная лава сверкали на монолитном теле великана – еще одно

доказательство недавней вулканической деятельности. Жидкие лавы обычно сглаживают неровности склонов, пока сами не начинают трескаться и разрушаться.

Широкие потоки застывшего вулканического стекла – обсидиана – спускались к самому подножию горы. К одному из них я подошел, даже не подозревая, что здесь меня ждет поразительная находка. Куча обсидиановых осколков лежала на выступе. Один из них привлек мое внимание. Казалось, ему была искусственно придана форма лаврового листа. Точно такие же наконечники для стрел делали наши далекие земные предки в солютрейскую эпоху.

Глава 4. Ссви

Я отвел Вандаля, Мишеля и Бреффора в сторону и показал им свою находку.

– А ты уверен, – спросил Мишель, – что это не какая-нибудь игра природы?

– На все сто. Взгляни на общую форму, на подгонку. Это точная реплика солютрейского наконечника.

– Или индейских наконечников из обсидиана, – добавил Бреффор. – Ты мог их видеть в Музее человека, если, конечно, там бывал.

– Стало быть, – проговорил Мишель, – нам придется признать, что на Теллусе есть люди.

– Необязательно, – сказал Вандаль. – Разум может расцве-

сти и в отличных от нашей формах. До сих пор мы ничего сходного с земной фауной в теллусийской не встречали.

– Вот именно! – заметил я. – Если мой кузен и его спутники обнаружили гуманоидов на Марсе, отнюдь не факт, что мы найдем их и здесь.

– А не могут это быть, – продолжал Мишель, – такие же земляне, как и мы сами? Что, если у них просто нет тех средств, которые есть у нас, и потому они вынуждены были вернуться к орудиям каменного века?

– Не думаю. На Земле лишь очень немногие умеют обрабатывать камень так, как это делали в доисторические времена. А изготовление подобной штуковины, уж поверь мне, требует высочайшего мастерства – мастерства, которое приходит лишь после многих лет практики. В любом случае нужно быть начеку и предупредить остальных!

Так мы и поступили. Я проверил фары и прожектор, связанный с вращающейся башней. Ночные дежурства были на всякий случай удвоены, первыми встали на вахту я и Мишель. Он сел на место стрелка, а я на переднее сиденье, просунув в бойницу дуло автомата и положив рядом заряженный магазин.

Через пару минут я позвонил ему по телефону:

– Думаю, будет лучше, если мы станем время от времени переговариваться, – так хоть не задремлем. Если захочешь покурить трубку, позаботься о том, чтобы пламя зажигалки не было видно снаружи.

– Договорились! Если что-нибудь увижу, сразу же выйду на связь и...

Внезапно где-то во тьме, совсем рядом, прозвучал странный и громкий крик. Это был даже не крик, а какой-то трубный, kloкочущий звук, переходящий в пронзительный визг, от которого сжималось сердце. Я оцепенел. Должно быть, у гигантских ящеров вторичной эры были такие же душераздирающие голоса. Неужели мы оказались в краю, населенном тираннозаврами?

– Ты слышал? – прошептал в микрофон Мишель.

– Еще бы!

– Что, черт возьми, это могло быть? Может, включить прожектор?

– Ни в коем случае! И вообще, помолчи!

Странный крик прозвучал снова, теперь уже ближе. При бледном свете Селены я различил над стеной деревьев движение какой-то огромной черной массы. Еле дыша, я вставил магазин в автомат; легкий щелчок прозвучал для меня как гром. Надо мной, чуть скрипнув, развернулась башня: Мишель тоже увидел это и прицелился. В наступившей тишине слышалось только безмятежное похрапывание Вандалья. Здорово же все они вымотались, если даже такие крики не могут их разбудить!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.